

СЕРГЕЙ ГОРЛОВ

ЦАРСКАЯ РАТЬ

Сергей Горлов Царская рать

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748221

*Царская рать. Фэнтези/ С. Горлов: ООО "Написано пером"; С-Петербург; 2015
ISBN 978-5-00071-291-7*

Аннотация

Фантастическая повесть, взятая из жизни параллельной реальности – то есть, другого среза на Круге Вечности – а именно, на его стыке (Конец/Начало). Действие на безлюдной планете Ильма в периоде плейстоцена, со скрытой базой противника. Не зная об этом, на ней случайно оказываются два сухопутных боевых крейсера Флота с минимальным экипажем (вместе 6 человек), в разных концах планеты. Повесть отражает обстановку в Римской Империи в 434 г., но в космическом масштабе. Обе части Римской Империи части действуют согласованно против общего противника – считающего Неузнанного Христа Лжепророком – Федерации – архетип северной готто-гунннской империи готского короля Атиллы и прочих, с центром в современной Чехии (в нашей цивилизации). По этому окну в иную реальность можно судить о том, кто настоящий Антихрист – Красная Звезда/воплощённый в ней Крест Распятия или Старая Церковь любого вероисповедания? Последняя часть трилогии.

Сергей Горлов

Царская рать

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© С. Горлов, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

* * *

Крис вытер вспотевший лоб тыльной стороной ладони. Одна из массивных гусениц трактора чуть нависала над песчаным берегом. В ней каким-то чудом застрял кусок обыкновенного камня.

«Похоже на манганит», – подумал он.

Гусеница была шириной метра в три. Под второй гусеницей в середине днища был виден просевший грунт с редкими травинками. Вторая, третья и четвёртая гусеницы были в порядке.

Как и задние, впрочем.

Вечерело.

Время от времени слышался тихий плеск о пологий песок. В некотором отдалении ниже по течению река заворачивала за покатым бок тёмно-зелёной горки над спокойной вечерней водой. Из осоки на противоположном от неё берегу крикая взлетела пара уток со светло-коричневыми лапами. Их головы красиво отливали зеленью в свете низкого солнца. Крис вспомнил восхитительный вкус жареной на костре утки. Ещё вчера их здесь было восемнадцать человек, включая трёх механиков. А сейчас его оставили сторожить тяжёлую машину, вместе с Ириной и Тимом Горкиным.

Да ещё этот камень тут...

– Вылезай, Тим, – сказал Крис в воздух. – Прихвати с собой какое-нибудь долото.

У него в наушнике был микрофон.

– Какое долото? – услышал он в левом ухе и поморщился.

Он не любил этого писка.

Обычно ему было плевать, но сейчас он был в дурном настроении. «Скуллеа» был в соседней системе, а планетолёт – на Ильменне. Месяц назад мимо Ре прошёл линейный дозор Флота, и оставил сообщение об Альфе Вирина. Так что неизвестно, сколько им здесь ещё торчать.

– Сам увидишь, – сказал он.

Отойдя к воде, Крис сел на какое-то полусгнившее бревно. Иссиня-чёрная громада трактора возвышалась рядом, как продолговатый зуб дракона величиной с пятиэтажный дом.

Впереди над средней гусеницей открылась дверца и на траву спрыгнул Тим. Оглядевшись, он пошёл вразвалочку к Крису. В руках у него был переносной пульверизатор в кожаной сумке. Подойдя к Крису, он тоже сел на бревно. Красное солнце стояло прямо над зелёным лесом вдали за рекой.

– Ну, что? – спросил Тим.

– Камень застрял, – сказал Крис.

– Большой?

– С тумбочку.

– Без повреждений?

– Угу, – кивнул Крис.

Над безмолвной гладью реки носились какие-то мошки. Она была шириной метров двадцать. Крис опустил в мелкую воду кончики пальцев. Она показалась ему тёплой, как парное молоко. Чуть дальше в серо-зелёной глубине над песком шмыгали стайки мальков.

Им обоим не хотелось вставать и заниматься этим дурацким трактором.

– А что Ирина делает? – спросил Крис.

Откровенно говоря, он надеялся, что им оставят Катю, но Карелин сказал, что Ирина подходит больше. По специальности... А лечить кто будет?

– Как обычно.

– Пишет или готовит?

– Не заглядывал, – лаконично ответил Тим.

Трактор был длиной тридцать шесть метров. Его поддерживали на двухметровой высоте четыре пары филоновых гусениц с резистентными металлошипами. Безуглеродная пластмасса.

– Слушай, – сказал Крис. – А ты не слышал, что сказал Готрих перед отлётом?

– Что?

– Ирина сказала, что-то насчёт Федерации... сегодня утром. Что у Леи закончена переключка.

– Александр Митрофанович говорил, что войны не будет до 450-го, – безмятежно сказал Тим.

– Что ты понимаешь, дурик, – сказал Крис.

– Сам ты дурик, – сказал Тим.

Они без энтузиазма посмотрели друг на друга. У Криса появилось желание столкнуть его с бревна. Но он удержался. Опять Ирина крик поднимет. Он ещё не привык к тому, что их всего трое, после вчерашней ночной суматохи.

– Слушай... – начал он.

Позади что-то пошевелилось. Крис оглянулся, шлёпнув ладонью о рукоятку минибленгера на груди в защитной гимнастёрке.

– Вам не холодно? – спросила Ирина позади Тима.

Он тоже оглянулся.

В её голосе чувствовалась почти незаметная ирония. Она была старше их обоих. Ей было двадцать восемь лет.

Ирина стояла, уперев правую руку в талию. Другой она держалась за шишковатый запор гусеницы на высоте плеча. Той самой, которая остановилась и была в приподнятом положении.

– Во, пушку наставил, – сказала она, весело улыбнувшись, хотя Крис и не тронул оружие с места.

– Дверь закрыла? – спросил он мрачно.

Устав был нарушен, но не будешь же ей говорить об этом.

– Закрыла, закрыла, – сказала Ирина, повторив его интонацию и подходя к ним. – Вы чего не чините?

– Так просто, – сказал Тим, вставая. – Садись сюда. Я пошёл. Камень дробить.

– Вот ещё, – сказала Ирина ему в спину.

– А что это у вас? – вскрикнула она удивлённо, встав над бревном и уставившись на него сквозь очки своими круглыми зелёными глазами.

– Чего? – обернулся Тим.

Крис подскочил с бревна как ужаленный и теперь, смотря на повернутое к нему правильное лицо с круглыми глазами и парой веснушек возле носа, не знал, злиться ему или

действовать. Тим повернулся к ним и нерешительно потоптался на месте. Он успел отойти только на три шага.

– Ты чего? – спросил наконец Крис.

– Откуда бревно-то? – понизив голос, спросила она.

– Ну... – промямлил Крис, теперь не зная, смеяться ему или злиться.

Он посмотрел на бревно у них под ногами. И вдруг увидел... один конец был явно отпилен. Да и другой, пожалуй, тоже. Да и сучков не было...

– Эх вы, специалисты, – сказала она, слегка постучав костяшками пальцев по лбу Криса.

Он не успел отклонить голову, так быстро и неожиданно она это сделала. Крис ощутил лёгкую досаду, то ли на себя, то ли на неё. Скорее всего, на обоих.

– Я сейчас, ребята, – крикнул заходя за крайнюю гусеницу Тим.

Действительно, солнце уже почти скрылось за верхушками далёкого леса. Через пятнадцать минут начнутся сумерки. С затихшей реки поднималась сырая прохлада.

– Пошли, что ли? – сказал Крис.

– Посмотри, обтёсано оно? – попросила Ирина.

Крис, ухватившись двумя руками за конец и поднатужившись, перевернул бревно, свернув его со старого места. Из-под него побежали маленькие зелёные ящерицы. Ирина ойкнула и оказалась на шаг дальше от бревна.

– Не бойся, они не кусаются, – сказал Крис.

– Вот ещё, – сказала Ирина. – Не насмехайся.

– Старое больно, – сказал он. – Не видно.

– А чем обтёсано? – спросила она, снова подойдя.

Крис не ответил и стал серьёзно осматривать дерево, встав на колени.

– Сучёк чисто спилен, – сказал он. – Но вообще не скажешь...

– Ладно, отрежь мне этот кусок, – попросила она, показав на него кончиком сапога.

Крис пожал плечами и встав, пошёл к передку трактора, недоумевая, как это ей всё время удаётся командовать. Он был капитан группы. Девушка посмотрела ему вслед, задрала голову на верх трактора в двенадцати шагах от берега. Как крутой чёрный холм. Из-за правой гусеницы доносилось шуршание pulverизатора. Он работал уже минут пять. «До сумерек окончим», – подумала Ирина.

Она имела в виду тёмные сумерки. Посмотрев на свёрнутое с места бревно, она, поморщившись, ткнула его ногой. Бревно чуть пошевелинулось.

Из-под днища пахло сырой землёй.

Крис нажал на нарукавный вызов и уже карабкался по скинутой с лёгким звяканьем лестнице из алюминиевых звеньев. Передние люки были на высоте второго этажа.

Сразу за откинутой вбок овальной крышкой был коридорчик общего этажа со светильниками вдоль потолка. Он начинался тремя пологими ступеньками с плоскими нащёлками из чёрной резины. Коридорчик был узкий, но достаточный, чтобы разойтись в полном снаряжении. Под потолком на высоте двух метров блестел ряд антресольных ручек.

Крис открыл боковую дверцу, спустился по лесенке с красным резиновым узором на ступеньках и попал в переднюю кладовую, под номером девять. Здесь горел дневной свет. Энергию экономить не приходилось. У трактора был собственный преобразователь. Он снял с пупырчатой салатовой стены проволочную пилу и полез обратно по внутреннему трапу за открытой овальной дверью. Она была выдвижная, с ручками для ручного режима.

По дороге он думал о бревне. Период раннего плейстоцена... жалко, оно было старое. Но Ирина выяснит, на анализаторе. Её хлебом не корми, только дай заниматься такими штучками.

«Шерлок Холмс», – подумал он.

Когда он подошёл по мягкому жёлтому песку к берегу, было уже явно темнее. Хотя нет, скорее просто показалось по контрасту с внутренностью трактора. «Сейчас чайку попью», – подумал Крис.

Но вообще-то в данную минуту желание отправиться пешим порядком куда-нибудь в дальний лес за рекой было сильнее. Как и почти всегда.

– Принёс наконец? – сказала Ирина. – Вот здесь отпили.

Крис прошёлся проволокой, как лобзиком, в гущу древесины. По своей гнилости она показалась как масло.

– Вот, – сказал он.

– Ну, пошли, – сказала Ирина.

Солнце уже совсем зашло. Река на поворотах стала чуть туманной. Позади Криса она скрывалась влево за зарослями осоки и одинокой рябиной. Скорее всего, горькой как полынь. Впрочем, полынь он никогда не пробовал. А вот ягоды на новых планетах... и всегда приходилось плевать.

Почти.

– Готово, – сказал Тим, выходя из-за крайней гусеницы.

Кусок дёрна в чёрных зубьях гусеницы застрял выше его головы.

– Так быстро? – удивилась Ирина.

– Да это обыкновенный известняк, – сказал Тим.

Пульверизатор с толстым дулом лежал у него на плече.

– Откуда ты знаешь? – буркнул Крис.

Ирина, покачив головой, укоризненно посмотрела на него сквозь большие, как бабочка-кружевница, очки. Крису стало совестно. Тим был механиком, а не курсантом.

– Сам посмотри.

Они обошли назад торчащую над низким берегом гусеницу и пошли к задней двери. По дороге Крис пнул кучу тёмного трухлявого камня. На манганит было непохоже.

– Песчаник, – сказала Ирина, не оглядываясь.

Крис пожал плечами. Попробуй такой разбери. Прибрежная поляна с короткой травой полого поднималась к недалёкому листовенному леску с примесью более тёмных хвойных деревьев вроде кипарисов. Казалось, что он уже готовится к осени. Или это просто погода?

Вчера туда ходила группа Палле. А сегодня никого нет, кроме их троих. Ирина наступила на откинутый стальной порог и скрылась в овальной двери нижнего этажа. За ней последовал Тим.

– Эй, где ты? – сказал он.

Это был служебный этаж. Здесь было много коридоров и мало помещений. От наружной двери вели два коридора, более узкий, изгибающийся вдоль борта и второй пошире на ту сторону. Но он был не сквозной, а всего метров пять. Он был ещё шире, чем наверху, и с округлыми стенками, как прямой тоннель. На мягком кожаном потолке кремового цвета горели круглые плафоны. В трёх шагах от входа в полу поблескивала стальная полоса тамбура. Тим повернул направо, чтобы оставить инструмент в ближайшей кладовой.

Крис залез после него и автоматически нажав большим пальцем светящуюся глубоко в стене зелёную клавишу, дождался пока поднимется трап с решётчатым порогом и затворится внутри толстая дверь. Внизу броня у трактора была толще.

Клавиша была размером с пирожное.

– Эй, Тим! – крикнул он. – Я на кухню.

– Ладно, – послышалось глухо из бокового прохода.

Для начала Крис занёс кусок бревна в открытую лабораторию, на втором этаже. Ирина была уже здесь. Из широкой двери в почти тёмный обводной коридор падал свет.

Обводной коридор шёл овалом метрах в четырёх от бортов второго этажа. Из него вели двери с обеих сторон – в две лаборатории позади, два лазарета в середине, две рубки, салон, запасные каюты, склады и другие помещения. Лаборатории были здесь же, в самом конце.

– Ты чего в коридоре свет погасила? – спросил Крис, поднося кусок дерева к белому анализатору у стены.

Анализатор был величиной со шкаф, только другой формы. Серый обзорный экран на задней стенке не светился. Крис огляделся.

– Для порядка, – сказала Ирина из того угла, шагах в семи от него.

Там было полутемно. На полу валялись коричневатые обрывки какой-то упаковки. Крис положил свою ношу на чёрную резину стола.

– Включать? – сказал он.

– Давай, – сказала Ирина, открыв крышку сбоку и вставляя графитовый диск. – Только внизу переоденься. Ужин в духовке.

– А ты? – буркнул Крис, проглотив «сам знаю».

У него никак не получалось показать, что он командир. То ли оттого, что она старше... Хотя вряд ли. Он побывал в разных переделках.

– Я сейчас, ладно? – сказала она, посмотрев на него сквозь очки.

Кусок тёмного бревна скрылся в утробе анализатора. Крис умыл руки и вышел в полутёмный обводной коридор второго этажа.

Переодевшись в деревянном предбаннике душевой и пройдя по полутёмному коридору с аварийным освещением мимо двери в тёмную столовую, он поднялся по трапу на жилой этаж. Там был уже на маленькой кухне, в своих салатových брюках механика и футболке. На плите в углублении стены горел синий огонёк. За стеклом что-то подогревалось.

– Чего там? – спросил Крис, показывая рукой на плиту.

– Сейчас посмотрим, – сказал Тим.

Он сидел спиной к тёмному «окну» обзора и лицом к плите. Длинный стол одним торцом выходил из стены около двери. Крис уселся напротив него и коснулся кнопки нарукавника. Он любил смотреть наружу. К его удивлению, там было всё ещё так же светло. Экран открывал вид на зелёное поле, смешанный лесок за ним и длинный поросший травой срез почвы высотой не больше метра, идущий от зарослей лозняка в низине где-то посредине. Крис перевёл обзор ниже. Теперь стало видно, как будто со второго этажа. Издали слышалось одинокое кряканье.

Перед экраном было ещё два маленьких столика.

– Скоро она? – спросил Тим.

В открытую дверь слева вошла Ирина в рейтузах и джемпере. Правая дверь была закрыта. Это был запасной выход в обводной коридор.

«И чего она не женится? То есть не выходит замуж», – подумал Тим.

– Кофе сделали? – спросила она.

– А... мы не знали, – сказал Тим.

– Тефтели подогрели?

– Ага, – кивнул Тим.

Ирина подошла к плите, сняла с крючка кофейник и стала наливать воду для кофе.

– Ну ничего, потерпите, – сказала она, поставив кофейник на конфорку.

Она вытащила из духовки глубокий противень с крышкой и поставила его на стол. Потом достала тарелки и всё остальное. Крис не выдержал и встал, чтоб помочь.

– Не мешайся, – сказала Ирина.

Из двухстворчатого холодильника появились сыр с маслом и «витамин» – давленная чёрная смородина с сахаром. Они были в фиолетовой фарфоровой посуде с магнитным дном.

– Накладывайте, – сказала Ирина, сев за стол рядом с Крисом.

– Уэрт не звонил? – спросил Крис.

– Ты что? – сказала Ирина.

Тракторы действовали в оперативной обстановке.

«На всей планете только две маленькие группы по три человека...» – подумалось Крису.

И двое из них тут, за столом.

Тим весело накладывал поджаристые тефтели в томатном соусе. Жизнь была прекрасна. Он вспомнил сегодняшний день. Встали необычно поздно, после восьми. В тракторе никого не было. Почти. Первое время он чувствовал себя как «Палле один на свете». В сказке про мальчика, который проснулся и оказался один в городе.

И делал, что хотел.

У Ирины на тарелке было четыре тефтели с соусом. Крис непроизвольно остановился, раздумав брать больше. По зелёной траве совсем близко от них стайка из пяти бурых зверей вроде собак с неприятными голыми мордами без звука гналась за низкорослой лошадкой. Лошадка была типичным зоппиусом.

– Во, совсем обнаглели, – сказала Ирина.

Крис обхватил правой рукой левое запястье и нажал несколько кнопок в жёлтом ряду. Хищные звери на самом краю экрана покатались вразнобой по земле.

– Спасибо, Крис, – сказала Ирина. – Так им и надо, уродам.

– Кто это там? – спросил, оглянувшись назад, Тим.

– Волки, что ли, – сказал Крис. – Типа титанотеров.

Тефтели пахли так вкусно, что Крис пожалел о своей умеренности. Ирина ела только вторую. После недолгой борьбы Крис положил себе ещё штук шесть. Ирина проводила их ироническим взглядом. Тим тоже начинал вторую порцию.

– Тимофей, – сказала Ирина, покачивая головой с гладкой причёской и пучком позади. – Кофе убежит.

Тим ринулся было из-за стола, но она встала сама.

– Мне полную, – сказал Тим, выставив свою кружку.

– А молоко есть? – спросил Крис.

– Есть, есть, – повторила Ирина тем же тоном, что он.

Она вытащила из дверцы в стенке над столиком у плиты глиняную кринку.

– Топлёное, – добавила она.

Это было именно то, что нужно. А ведь до позавчерашнего дня они были почти не знакомы. На «Скуллеа» Ирина служила в научном отделе, на первом ярусе.

Когда Крис допил своё кофе, снаружи начало неожиданно быстро темнеть. Слегка утопленное окно обзора занимало почти всю верхнюю половину задней стены, метра четыре в длину. Было такое впечатление, что сидишь на веранде на даче. Показались первые бледные звёзды. Ирине вдруг стало зябко.

– Тебе холодно, Тим? – пожаловалась она.

– Не-а, – сказал рассеянно Тим.

Он думал о чём-то своём. Может быть, о своём доме. Он был из Егорьевска. Парню было всего девятнадцать лет. Он ещё ни разу не был в отпуске. Первый год службы.

– Это тебе кажется, – сказал Крис, смотря на мигающие звёзды.

Незнакомое небо.

– Стемнело уже... – проговорила Ирина.

Совсем рядом, почти вплоты, влево к реке прошёл в полутьме крупный зверь. Ирина увидела его мохнатую спину в самом низу экрана.

– Кто это? – спросила она тихо.

– Ну, кто... – сказал Крис.

Из окна раздался пронзительный писк. Как будто они были снаружи. Ирина инстинктивно поёжилась в своём толстом джемпере.

– Да сделайте вы его потише, – попросила она, оглянувшись вбок на Криса.

Крис молча нажал несколько раз на пару зелёных кнопок. Он сидел у тёмной лакированной стенки справа от неё. За его спиной в двух шагах была плита. Машина действительно что-то намудрила с погодой: стало явно холодней и повеяло свежей сыростью.

– Холодно, – сказала Ирина, смотря на Тима круглыми глазами в очках.

Оправа была из прозрачного стеклопластика, а стёкол почти не было видно. – Ты на какую программу поставил?

В её голосе звучало скорее осуждение, чем вопрос.

– Натуральную, – сказал Тим, чувствуя себя как-то виновато. – А что?

– Не придурайся. Холодно, вот что. – Пойду спать, – сказала она в виде наказания и встала с места.

Свои четыре тефтели она уже съела. Только полкружки кофе осталось недопитым. Но она могла допить его в каюте, на кровати с книжкой.

– Подожди, Ир, – сказал Крис, чуть повернувшись к ней на круглом вертящемся стуле. Ему было немного неловко.

– Чего тебе? – она смотрела на него круглыми зелёными глазами.

– Анализ уже готов, как ты думаешь?

– Поменяйте программу, тогда останусь.

– Я уже поменял, – виновато промолвил Тим.

– Ладно, будете знать, – сказала она и села на своё место. – Дай мне пульт, Крис.

Она показала тонким пальцем на настенный дежурный пульт. Стена была обшита лакированным дубом. У Криса возникла смутная мысль о педагогичности поступка Карелина.

Вернее, наоборот.

Он снял маленький пульт и подал его Ирине. Она набрала привычными пальцами зелёную комбинацию информатики. На экране возникла схема бревна. То есть, его куска. Слева были сокращения, справа от него – заключение.

– Понятно? – сказала она.

Бревну было девять лет, срезы обоих сучков сделаны сталью, острота орудия – 10–200 микрон. На широком ночном экране вновь появились звёзды. Но стало заметно теплее и суше. Все замолчали...

– Спасибо, Тим, – сказала мягко Ирина.

– Надо вызвать Уэрра, – произнёс Крис.

– Надо, надо, – сказала Ирина, положив на стол ненужный пульт. – Давно пора.

Крис набрал вызов у себя на манжете. Эти кнопки реагировали только на нажатие пальца. Ирина посмотрела на обзор и опустив глаза, растерянно сказала вслух:

– Там же ночь...

– Ну и что? – искренне спросил Тим.

Он уже пересел с противоположной стороны на стул слева от Ирины, зачем-то отодвинув его от стола. На экране по-прежнему мерцали крупные звёзды. Но ночная жизнь была почти не слышна. Только заунывный писклявый вой, как будто далеко-далеко. Крис лишь теперь его заметил.

– Воют ещё... – сказал он недовольно.

– Как хотите, – сказал Тим в футболке и совсем отключил звук.

– Додумались, наконец, – сказала Ирина.

Она сидела, так и не допив своё кофе.

– Что он там делает, – сказал себе под нос Крис.

Внизу экрана горела зелёная надпись: «приём».

– Слушай, Ир, – вспомнил Крис то, что хотел сказать Тиму на берегу. – Как ты думаешь, может это учение, а?

Она задумчиво смотрела на него, не отводя глаз.

– А чего тебе? – спросила она.

Крис не нашёлся, что ответить и вновь посмотрел на обзор. Ему было не так уж уютно под взглядом словно вечно изумлённых глаз. На экране не было ничего интересного. Низко над лесом вышла половина луны, слегка осветив его край серебристым светом. Он казался дальше, чем днём.

– Ир, – сказал всё же Крис, отвернувшись от обзора.

Ему давно уже хотелось выяснить одну вещь, и было жалко упускать такой случай, вдалеке от начальства. Со знающим человеком, и к тому же девушкой... – Ты слышала о наблюдательной службе?

Она смотрела на него выжидательно и с какой-то неуловимой иронией.

– И?

– Ну... слышала?

– Я много чего слышала.

– Что ты об этом думаешь?

– Что ты ещё молод такие вещи спрашивать, – сказала она, и легонько ткнула его вытянутыми пальцами в лоб.

Пальцы девушки были упругие и холодные. Непостижимым образом Крис не успел увернуться. Тиму даже стало смешно.

– Я пойду, что ли, – сказал он, поднимаясь.

– Ты чего?.. – сказала Ирина.

Уже ставшая привычной чуть туманная звёздная ночь средне-русской равнины Ильмы пропала и вместо неё оказалась уютно освещенная каюта-купе в натуральную величину. Как будто её с кухней разделяло только окно.

Ирина остановилась от неожиданности.

С двух сторон были видны аккуратно застеленные кровати с зелёными одеялами вместо покрывал, между ними обычный столик с лампой под зелёным абажуром, а за ним – доктор Уэрр в белой гимнастёрке.

Он смотрел на неё и улыбался своим длинным лицом.

– Добрый вечер, Ира, – сказал он. – Добрый вечер, молодые люди. Что у вас приключилось?

– Ментор, мы нашли бревно со следами обработки. Культура второго уровня, – доложил Крис.

– Без чинов, Крис.

– Они на нём сидели, – пояснила Ирина.

Вообще-то, она просто хотела рассказать доктору, как это случилось. Но не так начала. Тим взглянул на неё, слегка удивлённый её тоном. Он сидел слева и чуть позади. Но доктор видел её глаза.

В них было что-то новое для него.

– Выкладывайте, Крис, – сказал он и помешкав, посмотрел на Криса.

Крис нажал кнопку, переведя данные на экран Уэрра.

– Ага, – сказал Уэрр, взглянув чуть пониже. – Возможно ли естественное передвижение, как по-вашему?

– Только по реке, – сказал Крис, машинально пожав плечами.

– Значит, нашли на берегу?

– Да, доктор.

– Там же, где сейчас, – предположил доктор Уэрр.

- Да.
- А есть ли следы на берегу?
- По-моему, нет, доктор. Мы не смотрели.
- А что, было уже поздновато?
- Ага.
- Так-так...

Доктор Уэрр потёр двумя пальцами лоб и внимательно взглянул на Ирину синими как море глазами. Длинное лицо с рыжими бакенбардами было серьёзно.

- Ира, что вы думаете о назначении бревна?
- Постройка, – сказала она коротко.
- Ну а... вообще, так сказать?
- Я не знаю, – сказала Ирина, запнувшись.

В воздухе повеяло тайной.

- А вы? – обратился он к Крису и Тиму.
- Наверно, культивация? – ответил Крис как на уроке.

Его никак не покидало ощущение учения.

- Орудие – сталь, – добавил он. – Но мы ещё не всё проверили.

Только один кусок.

– Хм... Похоже, вы правы, Крис, – сказал рассеянно доктор Уэрр. – А почему вы сразу не позвонили? – спросил он, посмотрев в нижний угол экрана.

- Да мы сразу, – сказал Крис.

– После анализа, – кивнула Ирина.

– Но понимаете, – добавил Уэрр, чуть задержав свой задумчивый взгляд на Тиме, – эта планета у нас в разряде «А».

Он посмотрел на Ирину в тёмно-синем джемпере грубой вязки.

– А девять лет – довольно большой срок. На стереографии, как вы знаете, ничего не обнаружили. Придётся вам перейти на боевой режим, ребята.

У Криса с Тимом вытянулись лица.

– Я приму меры и буду двигаться к вам. Походным порядком. – То есть, маршевым, – поправился он. – Действуйте в боевом режиме. По обстановке.

Крис кивнул.

– Ну, что скажете, Ирочка? – спросил Уэрр, встретившись с ней взглядом, но как-то не так, как ожидал.

Вернее, как совсем не ожидал.

- Сама не знаю, – сказала она.

– А о чём вы думаете, Ирочка? Как вас лучше звать, Ирочка или Ира?

– Наверно, Ира, – смутилась она.

– С удовольствием, – сказал доктор Уэрр. – О чём же вы думаете, Ира?

– Сама не знаю... – сказала она.

– А как настроение? Наши молодцы вас не обижают? Не очень непривычно?

– Нет, доктор, – сказала Ирина с немного озадаченным лицом. – Они смирные.

– Ага, – неприветливо подтвердил Крис.

– Тогда у меня всё, молодые люди, – сказал Уэрр. – Пойду будить своих товарищей. Что им передать?

– Привет, – сказал за всех Крис.

– Спокойной ночи, – сказал Уэрр и отключив связь, потерял свой бакенбард с чувством глухого неудовлетворения.

Он посмотрел на свою кровать и задумался.

Вместо стены снова блестели звёзды. Половина луны поднялась выше над тёмным лесом. Зелёные стрелки в углу обзора показывали без пятнадцати девять.

– Что он, не спал, что ли? – спросил Тим.

– Догадайся, – сказала Ирина, сложив губы трубочкой и беззастенчиво округлив зелёные глаза.

Как будто в ожидании гениального ответа. Она сидела и смотрела на него, положив локти на стол и подперев руками голову.

Тим мигнул.

– Одевался, – сказал Крис.

Где-то там, в безлесых саваннах доисторической Манчжурской равнины, сидел ночью в своей каюте доктор Уэрр. И сейчас его трактор двинется в их сторону, на ходу рассчитывая маршрут. Наверно, ребята уже проснулись... Стекло обзора не отражало света, поэтому Ирине казалось, что они на веранде без стёкол. Свет в кухне падал непосредственно на столы и предметы обихода, оставляя в полутени всё остальное.

В отличие от столовой, это был скорее маленький кафетерий.

– Ира, – спросил Тим, – ты по какой специальности работаешь?

– Ботаника, – проговорила она вполголоса, о чём-то задумавшись и посмотрев на него искоса.

Он был уже снова напротив.

– Давайте думать, что будем завтра делать, – сказал Крис. – Я считаю, надо идти вверх по течению.

– На «капле» или на тракторе? – спросил Тим.

– На «капле», конечно, – сказал Крис. – Мы с тобой пойдём, а Ирина посторожит. Ладно, Ир? – он повернулся к задумчивой девушке.

Она сидела, и вытянув стройные ноги, сравнивала носки своих тапочек.

– Дудки, – сказала она. – Пускай Тим остаётся. Он механик.

– Вот именно, – многозначительно сказал Крис.

Но не стал уточнять.

– Давайте чай пить, – сказал Тим обыденным голосом.

У него было приятное открытое лицо. Но сейчас оно было слегка затуманено. Ему тоже хотелось в поход... по новой планете.

– Вам ещё мало? – подняла брови Ирина и оглядела Тима с высоты своих двадцати восьми лет. – Не бойся, ещё наездишься.

– Конечно, – непонятно на что сказал Крис и встал, чтоб собрать кружки. – Ты будешь?

– Не-а, – сказала Ирина. – Я не хочу.

– А давай все вместе махнём? – предложил Тим, оживляясь.

– На «капле»? – удивился Крис.

– Не, на тракторе.

– Нет, нельзя, – сказал Крис. – Тебя после возьмём.

Он сполоснул свою и Тимову кружку и налил кипятка из блестящего краника в стене, как из самовара, в заварочный чайник на столике возле плиты. В звёздном небе во всю стену бесшумно падал, сверкая, метеоритный дождь. Как будто на землю где-то за тёмным лесом капали брызги текучего огня.

Ирина смотрела на ночной огненный дождь, затаив дыхание.

– Красота... – прошептала она.

– Иди наливай, – сказал Тиму Крис и застыл.

Тим стоял и смотрел с кружкой в руках, а Крис – у шкафчика с посудой. Сверкающий дождь где-то далеко за лесом кончился.

– Ты успел загадать, Тим? – спросила мягко Ирина.

– Ага, – сказал Тим.

Он наложил в чай смородины и теперь по-деревенски наливал его в блюдечко.

– Чего? – спросил Крис.

– Во даёт, – сказала Ирина. – Ты что, не загадал?

– Чего загадывать-то? – пожал плечами Крис.

Он вспомнил этот обычай и теперь немного жалел.

– Ребят, а у вас много приключений было, а? – сказал Тим.

До «Скуллеа» он служил на лунной базе возле Земли. Всего месяц назад. А базы Звёздной Стражи – не то, что Флот. В основном – женатый персонал из тех, кому ещё рано в имперскую Стражу на Родине.

– У кого как, – сказала Ирина, поглядев на него округлыми глазами.

Её губы чуть приоткрылись.

– Много, – сказал Крис.

Он думал, как бы к ней опять подступить.

– Расскажите что-нибудь, а?

– А ты вообще-то уши не развешивай, – посоветовала молодая научная сотрудница.

– Слушай, Ир, – сказал Крис. – А ты кого-нибудь знаешь из этих... из наблюдательной службы?

– Ты чего это? – поинтересовалась она. – Может, у тебя аморалка?

Тим смешливо хохотнул. Это был от природы весёлый голубоглазый деревенский паренёк, крепкий как огурчик и ростом с Ирину – на полголовы ниже Криса.

Крис что-то пробормотал, покраснев до корней волос.

Ладно, не переживай, – сказала она, смотря на него с некоторым любопытством научного свойства.

– Я просто хотел спросить, кого туда берут, – сказал он хмуро, стараясь спасти свою репутацию.

Особенно в глазах Тима.

– В сексоты? – сказала она.

– Угу.

– Кого надо, того и берут. Много будешь знать, скоро состаришься.

Крис в который раз помянул «К-А» Карелина.

– Да хватит вам, – сказал Тим.

Ему хотелось поговорить о Земле.

– Слыхали о восстании на Севере?

Крис и девушка насторожили уши. Внутренняя политика Флота сокращала новости до минимума. До известий о выпуске новой техники, списков погибших по легионам и подвигов реставраторов.

– Ну и? – уронила Крина, посмотрев мимо него в чёрное звёздное небо.

– В Данмарке уничтожена местная база и сбит глиссер береговой охраны. В Норланде вообще пришлось целый город торпедами раздолбить.

Как всегда в таких случаях, Крис почувствовал острое сожаление, что его не было там. Когда сообщали о поражениях Рати. Победы как-то не так его задевали.

– Какой? – спросила не дыша Ирина.

– Какой-то там, – сказал Тим. – Большой... По-ихнему называется. Вроде осла.

– И чего им только надо... – непонимающе сказала Ирина. – Жили бы себе...

Они с Тимом почему-то посмотрели на Криса.

– Бросьте, – сказал он. – А кто там был, староцерковники или белые христиане?

– Ну и какая разница? – сказала Ирина, склонив голову набок.

– Староцерковники – в катакомбах... – начал он.

Девушка с гладкими волосами и пучком позади смотрела на него слегка ироническим взглядом. Её это не интересовало.

– А ещё чего ты знаешь? – сказала она Тиму.

– А чего тебе хочется? – спросил он, как будто на заваulinке в «Деревенских каникулах».

– Ничего не хочется, – отрезала Ирина. – Вот скажу Крису, он тебя спать отправит.

Тим посмотрел на Крису.

– Будешь знать тогда, – добавила она, посмотрев, какое впечатление произведут её слова.

Тим захлопал глазами. Тем временем Крис закончил вторую кружку чая с чёрной смородиной и стал доедать остатки ложкой.

– Ладно вам, – сказал он, впервые почувствовав себя командиром.

Правда, всё равно благодаря Ирине.

– Я пошёл спать, – сказал он. – Ты здесь уберёшься, Ира?

Он встал и отнёс свою кружку в раковину справа в кухонной нише.

– Спокойной ночи, – сказала Ирина. – Я в лабораторию, ладно?

– Ага, – сказал Крис. – Пока, Тим.

Он вышел в полутёмный коридор за открытой дверью и пошёл налево в свою каюту. По случаю малолюдности у каждого из них осталась своя двухместная каюта. Густая ковровая дорожка загибалась вместе с коридором. В скупом аварийном свете она была неразлично-синеватого цвета.

* * *

– Ой, смотрите! – вскрикнула Кира, показывая на вогнутый экран боковой рубки.

За невидимым трёхметровым стеклом компьютер создавал довольно хорошую имитацию открытого пространства между потолком и изогнутым пультом.

По саванне с травой по грудь шли гуськом диковинные животные из отряда копытных. Они были светло-жёлтые, с длинной как у жирафа шеей и изогнутыми серпом вниз рогами над тупорылой мордой.

– Ты что, не видела? – сказал Торстен. – Это археобелисы.

– Типа археобелиса, – уточнил сзади Уэрр.

Он сидел в светлом кожаном кресле в нише около двери. Пол мягко покачивался на внутренних рессорах. Машина шла по саванне со скоростью тридцать километров в час.

С двух часов ночи.

Она проложила довольно недурной маршрут через южную Сибирь, в обход громадного моря на месте киргизских степей. Правда, с изрядными вихляниями по местности. С потолка и из-за пульта шёл душистый напоённый солнцем воздух. Пахло травами и ещё чем-то.

«Может, этими археобелисами», – подумала Кира.

Она ещё не была на планете позже третичного периода.

Равнина была не ровная, а волнистая, как пологие складки на неразглаженном одеяле. До горизонта было от двух до десяти километров; а с высоты третьего этажа, откуда они смотрели – от трёх-четырёх до пятнадцати. Это указывали словно глянцевые зелёные цифры понизу экрана. Правда, они белели, попадая на зелёный цвет. Там же была скорость, температура, высота над уровнем моря и другие параметры движения. Торстен любил быть в курсе событий. А доктор Уэрр не возражал. Торстен посмотрел на время.

Оно приближалось к одиннадцати.

Он закрыл глаза и представил себя на нагретой солнцем крыше «капли». Вокруг колыхаются безбрежные травы... Или нет, лучше на нагретом солнцем гладком камне над плеском

и шуршаньем вечного приборя... Эта саванна выходила прямо на первозданную синеву ещё закрытого Японского моря. На виртуальном глобусе оно было узкое, как Байкал. С двумя проливами на севере.

– Долго ты ещё будешь спать?

Голос Киры вывел его из дремоты грёз. Она покачала рукой его кресло у пульта. Они сидели рядом и наискосок друг к другу из-за мягкого изгиба пульта. Эта рубка была в правом верхнем углу трактора. Он повернулся на мягком сиденье в форме чаши и посмотрел на неё такими же юными синими глазами. Они не были одногодки. Зато день рождения почти совпадал: седьмого января и на пять дней позже у Киры. Но она была Водолеем, как и Мак.

– Ну, чего тебе? – спросил он.

– Ничего, – сказала она. – Доктор, а скоро мы приедем?

– Надо полагать, скоро, моя милая, – улыбнулся доктор. – Видите вон ту цифру с краю? – Он показал на левый край светло-жёлтого от саванны обзора. – Это предполагаемое время в пути.

Кира посмотрела на Торстена, как будто в первый раз его видела.

– А ещё что у тебя там? – сказала она.

– Что хочешь, – коротко ответил тот.

Большого ума тут, конечно, не нужно. Просто ей неохота было разглядывать цифры. Они её мало интересовали... вообще.

– Доктор, можно я пойду обед готовить? – спросила Кира, ещё немного посидев и понаблюдав за неизменным пейзажем вдаль, со стадом мастодонтов возле маленького баобаба.

Довольно часто неподалёку попадались небольшие стада и стайки различных животных, иногда по одному или парой. Некоторые убегали прочь, а некоторые провожали машину взглядом. Кира представила себе несущуюся над травой чёрную махину. С высоты третьего этажа слегка колышущиеся травы с метёлками были видны как на бреющем полёте. Хищников совсем не было видно. В безоблачном небе как чёрные точки парили стервятники или орлы.

– Охотничий рай, – сказал Торстен и переключил одну из точек в небе на крупный план.

– Так рано? – с сомнением спросил доктор Уэрр.

В круге увеличения появилось пернатое существо с уродливой кожаной головой розоватого цвета. Оно было как будто в тумане; потом круг слегка дрогнул и туман рассеялся. Птица была как на картинке в учебнике.

Тераторнис, – с удовлетворением заключил Торстен. Он вообще любил играть с обзором.

– Уже пора, доктор, – сказала она. – Я должна сделать тефтели.

Это было чистое совпадение.

– С чем? – спросил Торстен, убрав доисторическую птицу.

– С соусом.

– Хорошо, Кира, – сказал Уэрр.

Кира вышла в обводной коридор жилого этажа и пройдя несколько шагов, скрылась налево в широком продольном коридоре, выходящем к овальной двери средней рубки. Все переходы были ярко освещены. И везде был такой же запах пампасов, иногда с лёгкой как мысль примесью хлеба. В коридоре довольно сильно качало, не смотря на гусеничные рессоры, и ей пришлось пару раз упереться рукой в светло-коричневую кожаную стенку с такими же пуговицами.

Этот трактор класса Р-10 модели Аэциус носил собственное имя «Верона» и был в отличие от трактора Криса совсем новенький, всего полгода как со стапелей в Мекленбурге. Хотя для планетохода это приличный срок.

– Ну-с, товарищ, – произнёс доктор Уэрр бархатным баритоном, поднявшись минут через пять и явно пресытившись увлекательными, но однообразными картинками первозданной природы. – Пойду-ка и я в свою лабораторию. А вы пока подежурьте... ладно, Торстен?

Местность за «окном» начала изменяться уже к концу этих суток. Торстен целый день просидел в кресле у обзора и к вечеру он ему надоел до чёртиков. С ним произошло то же, что с человеком, объевшимся клубничным мороженым. Его немного тошнило, хотя и не в буквальном смысле этого слова.

– Хватит с меня, – пробормотал он, вставая с сиденья из-за пульта. – Доктор, можно я Киру позову?

Уэрр внимательно изучал картинки с воздушного шара на пультовом экране слева, у самой стены. Они были теперь в средней рубке, и экран обзора занимал всю переднюю стену, слегка вогнутую по форме корпуса. Было пять часов вечера.

Золотистое солнце склонялось над саванной.

– Торстен, посмотри-ка на эту вещь, – сказал доктор вместо ответа и поманил его пальцем.

Чубатый белобрысый парень приблизился с видом человека, которого позвали посмотреть на котёночка. На пультовом экране было изображение примятого круга на светло-жёлтой саванне под довольно острым углом. Изображение стояло на месте, но слегка меняло очертания, как будто покачиваясь на волнах. Внизу экрана шли мелкие зелёные слова и цифры: «расстояние – 200 м., реальное расстояние – 3,2 км., усреднённый абсолютный наклон – 3°...»

Угол зрения колебался от 5° до 25°.

Изображение повернулось к ним лицом и обратно, на секунду вытеснив голубое небо жёлтой равниной немного электронного происхождения. Но Уэрр ткнул пальцем в середину экрана, и на нём появился ровный круг.

Реконструкция.

– А ближе? – спросил Торстен, всё равно уже открыв рот для другого вопроса.

У него приятно похолодело внутри. Вообще говоря, он не так уж любил спокойную жизнь. Едва заметный узкий овал на степи приблизился и занял весь экран. Складной экран был толщиной и размером с большую книгу. На нём чуть колыхалась такая же трава с метёлками и зонтиками белых цветов. Уэрр перевёл изображение вправо, и они увидели край круга. Трава внутри была ниже всего ладони на три.

– Поехали, док? – спросил Торстен.

– Надо сообщить Крису, – кивнул Уэрр, озабоченно подёргав себя за рыжий бакенбард. – Импульсной связью.

Короткая борода и бакенбарды были заметно ярче его шевелюры. Он нажал голубой светлячок кнопки внутреннего вызова. Волнистая равнина перед ними стала плавно поворачиваться вместе с трактором.

Торстену снова стало весело.

– Это срочно, доктор? – спросила Кира со стороны обзора.

– Да, – сказал Уэрр, приподняв одну бровь и переключая тумблер дальней связи.

У него появилось виноватое чувство.

«И так всегда», – подумал он про свои отношения с молодёжью.

Слишком фамильярные... но не по его вине.

– Иду, доктор, – сказал ясный голос откуда-то из глубин трактора.

После обеда она решила заняться уборкой.

– Крис, – сказал Уэрр, обращаясь к голубому небу над бескрайним простором. – Говорит Уэрр. Идём по саванне. Координаты прилагаю, – он нажал одну из кнопок под левой рукой. – Нашли круглый отпечаток на траве диаметром сто пятьдесят метров, в трёх кило-

метрах в стороне от курса. Идём к нему. План задержки – двадцать минут. Связь особая. У меня всё.

Особая связь – когда противник подстерегает из-за угла.

Овальная дверь сдвинулась, впустив девушку с короткой стрижкой. Как будто прозвенел тонкий колокольчик. Встав у входа, она вопросительно посмотрела на оглянувшегося Торстена. Уэрр уже подводил трактор к не такой уж заметной цели.

Впрочем, машина ехала сама.

– Посмотри, Кира, – сказал Торстен, показывая в воздушную ширь «окна».

Он сидел справа.

– Что? – сказала она, недоумённо оглядывая его самого.

– Вот запись, Кира, – сказал Уэрр. – Крис, говорит Уэрр. Идём по саванне... – продолжил он своим мягким баритоном.

Кира не сразу поняла, где началась запись. Она слегка прыснула и подойдя к пульту, стала стоя смотреть на равнину за креслом Торстена. Вездеход сверхтяжёлого класса «Верона» плавно замедлял ход.

– Без выхода, молодые люди, – сказал Уэрр.

Кира почувствовала огорчение Торстена, хотя просто держалась за спинку его сиденья. Она доходила ей до пояса. Дома она всегда ходила в шароварах. Чубатая голова упёрлась русыми волосами в сквозной подголовник.

«И кто только его стриг», – подумала она.

– Есть, доктор, – сказал Торстен, слегка отодвинув назад сиденье и вытянув ноги под пульт.

Он знал Уэрра уже как минимум года три.

– Чего ты толкаешься, – сказала Кира.

– Извини, – сказал белобрысый поджарый парень в белой гимнастёрке.

Доктор Уэрр сам дал команду машине на забор грунта и травы, сначала до чуть примятого круга, а потом, чуть проехав, – внутри него.

– А теперь займёмся анализом, – сказал он, когда вездеход вновь направился к далёкой цели.

Почти точно на запад, по краю пра-монгольской степи, с выходом на север между Тянь-Шанем и молодой горной системой Алтая. Как плод в утробе матери проходит одинаковые стадии, так и бесчисленные земли Вселенной. Но как и люди – каждая имеет своё лицо.

– Можно я пойду убираться, доктор? – спросила Кира, держась руками за кресло Торстена.

Трактор, плавно покачиваясь, повернул и пошёл вдоль невысокого обрыва. Внизу была тоже саванна, простираясь до самого горизонта. Она представила себе эту безостановочную качку в течение двух недель, и ей стало немного не по себе.

– Тогда Торстен сделает, – согласился Уэрр.

– Ну я пошла, – сказала она, отпустив спинку кресла.

– После ужина? – спросил Торстен, слегка закачавшись.

Дверь задвинулась. Она была на автоматическом режиме. Они остались вдвоём в светло-серой рубке жилого этажа.

Четвёртый этаж был особый.

– По своему усмотрению, – сказал Уэрр. – Только сегодня, сделай милость.

Машина шла вперёд, прощупывая пространство боевыми и навигационными сенсорами. В том числе на воздушном шаре, плывущем за ней на высоте полёта ястреба.

Было уже шесть часов вечера.

После светлой кухни в рубке было полутемно. В потемневшем небе уже зажглись звёзды, и автоматика привела освещение в соответствие с наружным.

– Садись сюда, Кира, – позвал Торстен, усаживаясь перед почти невидимым пультом с мерцающими светлячками пастельных кнопок.

Доктор Уэрр ещё не пришёл.

– Я лучше здесь, – сказала она и ощутила прикосновение прохладной глубины кресла в тени кожаной ниши.

Она была в шортах и рубашке с короткими рукавами. Эту форму называли «пляжной». Форма № 7. Для конторской работы в зонах жаркого климата. Рубка по-прежнему покачивалась, как морской трамвай на слабой волне. Внутренние рессоры в основном гасили толчки.

«Интересно получается, – подумала Кира, забравшись с ногами в гостеприимное кресло, – эта штука на равнинах качается точно, как корабль... степной корабль.»

Перед ними синело тёмное небо с редкими и невообразимо яркими звёздами. А внизу покачивался всё ещё видимый травяной простор. Был самый конец сумерек.

Эта система была на краю ветки.

«Вот ведь как бывает», – подумала она.

Она попыталась представить себе тех, кто будет здесь обитать через сотни тысяч лет. А точнее, через миллион триста тысяч лет.

«Сотни тысяч лет, – медленно повторила она про себя, стараясь вникнуть в смысл этих слов. – А может, и не будут, – подумала она вопреки всем урокам и учителям. – Мало ли что».

Торстен за высокой спинкой был виден на фоне звёзд. Она только теперь заметила, что внутренний свет совсем иссяк. Постепенно, по мере наступления ночи снаружи.

«Как ручеёк воды из пересохшей лужи... или моря. Нет, геоплан всё-таки лучше», – подумала девушка в кресле.

– Сумерничаете? – спросил доктор Уэрр, остановись посередине рубки.

«Торстен звонок отключил», – подумала Кира.

Несмотря на незаметно спустившуюся ночь, было всё так же тепло. Уэрр неслышно прошёл к пустующему сиденью слева от Торстена, и оно слегка закачалось в полутьме. Со своего места Кира видела две тёмные головы за кольцами подголовников. Одна из них чуть покачивалась на фоне серо-синего неба. Уэрр сразу же перевёл своё кресло в жёсткое положение.

А больше всего он любил сидеть на стульях.

Тишину нарушал лишь шелест ветра и шорох потемневшей саванны. Едва слышный рокот машины уже не воспринимался сознанием.

«Скоро будут сутки, как мы едем, – подумала Кира. – И чего они молчат?...»

– Доктор Уэрр, скажите, это ваше имя или фамилия? – спросила она.

– Фамилия, Кира, – сказал Уэрр.

– А какое ваше имя?

– Лингамар, – сказал Уэрр.

– Можно, я вас буду так называть?

– Не стоит, Кира, – ответил Уэрр своим мягким голосом.

– А почему?

Доктор в полутьме ничего не ответил. Вероятно, он и сам не знал, почему. Ну, может быть, догадывался... но не очень чётко.

– А почему, доктор? – повторила Кира.

Молодёжь иногда бывает очень настырна.

– Чего пристала? – сказал Торстен. – Меня тоже все не по имени называют.

– Это было бы непедагогично, Кира, – мягко сказал Уэрр.

– При чём тут ты? – возразила Кира из темноты позади.

Звёзды были такие яркие, что освещали серебристую саванну не хуже луны. Было новолуние. Издалека раздался трубный рёв, и через три секунды повторился. Он был такой

же тихий, как их разговор, и девушке показалось, что к ним прибавился ещё один собеседник.

«С хоботом», – подумала она.

Сверху на неё повеяло ветерком. Действовала программа естественной вентиляции. А на кухне пахло печёными яблоками.

За ужином.

– А почему непедagogично? – спросила она.

– Потому что я старше вас в два раза, Кира.

– В два с половиной, – добавил Торстен.

– В два с четвертью, – сказала она. – Тридцать восемь плюс шесть.

– Математик, – хохотнул Торстен. – Тогда уж в два с третью.

– Сам ты математик, – серьёзно сказала она.

Доктор Уэрр сидел и смотрел вперёд, а Торстен повернулся на кресле к нему лицом, и Кира теперь видела в свете звёзд его точёный профиль.

«Как на монете», – подумала она.

– Доктор, как вы думаете, а в чём счастье? – спросила она.

Раздался истошный визг, похожий на мяуканье, и вездеход почти незаметно покачнулся. Машина шла в маршевом режиме.

То есть, скрытно.

«Переехали кого-то», – подумала Кира.

Доктор Уэрр поморщился в темноте.

Рука Торстена мелькнула как тень к пульту и осталась лежать на нём. Пульт спокойно мерцал слегка разноцветными светлячками кнопок. Начавшийся трубный зов вдруг стал вдвое тише и дальше.

– Ты хочешь сказать, в работе или любви? – спросил доктор Уэрр, не оборачиваясь.

Но он бы и так её не увидел.

– Да, – слегка запнулась она.

Она этого не ожидала. К Торстену он иногда обращался на «ты», как своему старому товарищу. Но к девушкам – никогда.

– И там, и там, Кира, – сказал Уэрр. – Насколько я знаю по опыту.

– А что вы думаете? – спросила она.

«Вот ненормальная», – подумал Торстен.

Перед ним на ленточном сенсорном экране пульта стояла зелёная надпись «32 км/час» в тонкой светящейся рамке такого же цвета.

– Я думаю, сначала мы спросим у Торстена, – промолвил доктор.

Его голос показался ей вкрадчивым.

– В данном вопросе я как и вы, – сказал в темноте Торстен.

Кира опять видела его чёткий профиль.

– Только я ещё не влюблялся, – добавил он. – Бог миловал.

Все дружно рассмеялись, включая и самого Торстена.

– А теперь пусть она сама скажет, а, доктор? – сказал он, как будто на собрании.

– Нет, так нечестно, – сказала она. – Я первая спросила.

– Ну мы тебе и сказали.

– А я спросила теоретически, а не практически.

– Это как понимать? – добродушно поинтересовался Уэрр и всё же повернул своё кресло так, чтобы видеть и Киру и Торстена.

Теперь они составляли узкий равнобедренный треугольник во главе с Кирой в обширной и тёмной кожаной нише позади них. Вообще-то здесь был такой же свет, как снаружи от звёзд. Но горел только ночник. С потолка шёл его голубоватый свет.

– Не на опыте, а просто, – сказала она.

– Кхм, – кашлянул Уэрр.

Торстен повернулся и лёг локтями на пульт, оставив их разбираться в этом вопросе. Низкий потолок ниши над Кирой плавно переходил в стенку. В темноте его почти не было видно. В нём была лампочка для чтения, но сейчас она не горела. Кира сидела и молчала, недоумевая, сколько ей ещё ждать.

– А не кажется ли вам, что между призыванием и любовью есть какая-то связь? – наконец нарушил молчание Уэрр.

– Какая? – спросила Кира, чувствуя, словно она растворилась в звёздном свете.

– Кто любит свою работу, в того и влюбляются, – хрипловато ответил Торстен, не поднимая головы.

Ему даже нравилось качаться, как на корабле. А перед тобой – тьма освещенной звёздами неведомой равнины на неизвестной планете.

– Ну, по большому счёту это тоже верно, – сказал Уэрр. – Но я имел в виду не то.

Он видел, что девушка в углу широкого кресла в нише смотрит на него. Но обернувшись, не мог различить её лица или глаз в звёздной полутьме рубки.

– А что? – снова спросила она.

– Я и сам не знаю, Кира, – сказал он задумчиво. – Но мне кажется, тут что-то есть.

– Интересно, кто здесь был, – подал голос Торстен. – Враги или странники?

– Так по-вашему, это не жида, Торстен? – спросил доктор с интересом.

– Конечно, нет, – убеждённо ответил Торстен, как будто защищал теорему Пифагора.

«И почему он такой?..» – с досадой подумала Кира.

Ей совсем не хотелось обсуждать такие пустяки.

– А почему вы так думаете, Торстен?

– Потому что отпечаток на равнине, – ответил Торстен, не поднимая головы, а только повернув её в левую сторону. – А во-вторых, в отчёте ничего нет.

В отчёте НУ действительно ничего не было. Кроме «шести рас приматов на стадии скрещиваемости». Без жидов во главе племён.

Как ни странно.

«Если только они их с жидами не перепутали», – подумал про себя Торстен и громко хмыкнул.

Кира обиженно молчала у себя в темноте.

– Кира, вы не могли бы дать мне сока? – попросил вдруг доктор Уэрр, обернувшись в её сторону.

– Какого? – спросила она.

– Виноградного.

– Сейчас, – сказала она со вздохом и прыгнув из темноты, шагнула к дверце холодильника в стене у ниши.

Ручка флуоресцировала, как зелёные стрелки на «командирских» часах с механическим заводом. Впрочем, она бы и так её нашла. В холодильнике было светло как днём и блестели коробочки из фольги с забавными цветными картинками.

– Спасибо, Кира, – сказал Уэрр.

Высокий холодный бокал с толстым дном был немного вытянутой и округлённой формы. На нём были разноцветные продольные линии. Кира знала, что их двенадцать.

– Спасибо, Кира, – снова сказал доктор Уэрр, подняв голову в звёздном свете.

Она забыла сесть и всё стояла возле него и Торстена, слегка качаясь, как на плоту. Саванна была ровная как стол, но при такой скорости качку было заметно.

Несмотря на все рессоры.

– Доктор, а почему вы взяли меня вместо Ирины? – спросила девушка, сев на краешек кресла на прежнем месте.

Бокал мягко позвякивал в глубоком гнезде на пульте.

– Понимаете, Кира, – сказал Уэрр, – мне показалось, что она там будет нужнее.

– Почему? – спросила она немного растерянно.

– Она ведь старше Криса... на шесть лет. А впрочем, наверно, просто интуиция. Или предчувствие. Вы верите в предчувствие, Кира?

Кира машинально кивнула головой в темноте позади. Ей было трудно не верить в то, во что верил доктор Уэрр. Тем более, в предчувствие.

– У меня есть один хороший знакомый в Главупре, – продолжал Уэрр мягким задушевым голосом. – Зегельфюрер Марин. Из германского легиона «Аустра». Может, слышали?

Кира снова машинально качнула головой. На этот раз доктор Уэрр оглянулся назад. Он сидел, немного откинувшись на спинку и повернувшись лицом к Торстену. Тот лежал локтями на пульте и смотрел вперед, в качающуюся ночную темноту под звёздным небом Ильмы за пределами массивного трактора.

– Нет, доктор, – спохватилась она.

– Это всё равно, что зегельмастер в Пармии, на Марисе.

– Я знаю, – сказала она.

– Ну так вот, у него было предчувствие перед броском у Флоренты... что им конец. Он просто знал это, вот как вы знаете, что сейчас пойдёте спать. Ну и... там была только одна когорта из Провинции. И она погибла.

– А как назывался его звездолёт? – повернул голову на пульте Торстен.

Кира даже забыла, что он тут. Он как будто спал. На самом деле он смотрел в звёздное небо, вдыхая воздух ночной саванны.

Не поднимая головы.

«Как же он спасся?» – мелькнуло у неё.

– А сколько ему лет? – наивно удивилась она.

Это было из области истории. Четыреста пятый год... битва за Терру и Марис. Задолго до того, как она родилась. В то время её мама была девочкой.

– Шестьдесят, – ответил доктор Уэрр.

Она была симпатичной девочкой. Впрочем, он не помнил, чтобы кто-нибудь был ему несимпатичен. Кроме командора Карелина. Но тому было под пятьдесят. Он был чистый солдат, типа Помпея или Суворова. А отчасти и Скалозуба. И ещё одного учителя, лет двадцать пять назад...

Да и при чём тут они?

Девушки...

Эта проблема была ему знакома, в том числе и как ментору. Но в жизни бывает разное, как и в сказке. Бывает, что пройдёшь мимо веточки розмарина в саду, а бывает, что набредёшь на спелую яблоню. А вот тогда уже точно как в сказке.

«Сама не знаю», – почему-то вспомнилось ему ночное совещание и простодушные круглые глаза.

Спросонья он кажется был не в форме.

– «Шутцштаffel», – ответил он Торстену. – Когорта Римелера. Впрочем, вы не знаете.

Торстен снова повернул голову вперёд. Часы в самом углу обзора слева показывали 9:14. Больше никаких цифр не было.

– А сколько сейчас легионов у биармийцев? – спросил он у доктора.

Ему казалось, что он летит в тёмные воздушные просторы утыканые звёздами наверху. Скорость машины выросла до девяноста километров в час.

«Охота ему приставать», – снова подумала Кира.

– Уже два. А может, и три, – ответил Уэрр. – Имперские поселенцы очень быстро поднимаются. В системе Флоренты они уже обогнали по силе наши базы. Когда-нибудь они и нас подомнут.

«Дудки», – лениво подумал Торстен.

– А вы там были? – спросила Кира, сидя на краешке кресла.

– Да, – задумчиво сказал Уэрр. – В моём чине это неизбежно, Кира. Вы имеете в виду Терру и Марис?

– Не-ет, – сказала она. – Чужеземные страны.

– Да, – сказал он и снова о чём-то задумался.

Все замолчали.

«Наверно, «Скуллеа» вернётся через полтора месяца, – думала Кира. – Или два».

Скорость войн в Космическую эру – как во времена древней Романской империи. Это говорил их учитель истории. Кира была на три курса младше Торстена. К предвкушению двух месяцев без учёбы и утренних линеек примешивалось лёгкое беспокойство о том, чем они будут здесь заниматься. Её не увлекала практическая геология. А также теоретическая. Хотя случайные каникулы – всегда хорошо...

Сейчас силы Флота стягивались к арианской Белльгаре. Назревала стычка с полчищами Федерации... Но ей почему-то не приходили в голову мрачные мысли.

«Хорошо, что мы едем к Крису», – подумала она.

А потом вдруг вспомнила, почему. А потом посмотрела на фигуру доктора Уэрра, полулежащую впереди на сиденье с высокой откинутой спинкой, в серебрящемся ночном свете. Торстен чем-то занимался на пульте. Был виден только тёмный силуэт чуть повернутой головы.

«Что он там делает?..» – подумала Кира, снисходительно улыбнувшись краешком губ. Совсем в другом настроении.

Она даже забыла про Криса... на время. Машину мягко покачивало. Доктор Уэрр решил не взлетать... чтобы не искушать судьбу.

«Жалко, что мы туда едем», – подумала она. – «А не в Африку... там наверно ещё драконы.»

Ей вообще нравились южные страны... с детства. Может, оттого, что она была с севера – из советской столицы Ленинграда. Хотя на самом деле... Она вспомнила красно-жёлтую листву вдоль изгиба осеннего канала и заскучала. И кружевные решётки родного двора...

Она уже давно скучала по родителям.

«Как они там, бедные», – подумала она.

Её папа был пропретором Скандинавии. В его распоряжении было четырнадцать легионов имперской Стражи. Из военных ему не подчинялась только Охранка Патриархата. Кира помнила, как он иногда ругался по телефону с иеросхимонахом Лаврентием. Сухонький и седой старичок, в чёрной рясе смотрел спокойными и совершенно прозрачными глазами. Несмотря на бороду, он был чем-то похож на портрет Борманна у папы в кабинете, куда она не раз лазила в детстве рассматривать древние фолианты и карты. Особенно ей нравилось карабкаться вверх по сдвижным лесенкам у высоких тёмных шкафов. Лепной потолок над верхней полкой казался ей небом. Он был цвета мороженого «крем-брюле».

Кира не знала, кто из них был прав.

«А может быть, оба?» – подумала она.

«Тот, кто рождён был у моря...» – поплыла у неё в голове мелодия песни, которую часто пел папа.

Колышущаяся ночная саванна вдруг показалась ей морем. А Крис с ребятами – где-то на другом конце этого бесконечного колышущегося моря. Она вспомнила о том времени,

когда они ходили в походы с разведгруппой Мака и затосковала. Линка, Дурелла, Местра... потом стычка с колонистами Герры на Аквабеске в системе Кинты – Каппы Эридана. А потом – когда их подобрала «птица» после смерти Джека, десять месяцев назад.

«Где-то сейчас Мак с Питом», – подумала она.

Тогда они ушли со «Свеа» на заслон у Геи, а она осталась на временной базе ждать Криса. Этих колонистов было тысяч двадцать. И планета их называлась «Серая Лошадь», на их германском наречии. Они были какие-то странные. Во-первых, они были жёлтые. Не граждане, а все подряд. Ну, это понятно. Это были гвинны, и подчинялись они Генеральному Штабу на Сканде, как говорил Перпетус на политзанятиях. Но они все были в каких-то кожаных жилетах и штанах. И жили по двадцать человек в длинных железных ангарах. А их жёны и дети жили в отдельном лагере. Так ей объяснил потом Мак. Ментор Кьянчелло сказал, что это была временная база для ударной дивизии вспомогательного войска Ордена. Они нарвались на неё случайно. Когда «Мириа» вышел на курс, на её месте не было даже земли. Только оплавленный как стекло камень.

А потом была Риамелло и гибель Джека...

Кира вытерла слезы и стала думать о планетолёте «Ромашка» на Ильменне. Наверно уже начали строить заводскую Базу. Длинная шахта с подземными помещениями в рудоносной породе. И аннигиляционные установки по тектоническому периметру наверху. Внизу на полукилометровой глубине давление как на уровне моря.

И белесые просторы марсианских трав...

«Нет, лучше бы они сюда», – подумала она, совсем забыв про бревно. – «Ну и что, а у нас отпечаток, – сказала она сама себе, вспомнив о нём. – Бревно какое-то.»

– Кира, – окликнул её доктор Уэрр.

– Что? – вздрогнула она.

Она сидела на краешке кресла, сложив руки на прижатых друг к другу коленках. В рубке было всё так же полутемно от звёздного света.

– Вы не хотите спать?

– А сколько времени? – спросила она, посмотрев на него затуманенными глазами.

Он увидел в них звёздную искорку.

– Вы, наверно, устали, – сказал он. – Уже девять сорок три.

Она перевела взгляд на левый нижний угол экрана. С его верхнего края дул ночной ветерок. В нём было что-то совсем древнее и незнакомое. словно дыхание ледника и острый как бритва скребок из кремня. Сейчас, правда, здесь был период потепления. Планета и система прошли через очередное облако в межгалактическом пространстве.

Доктор Уэрр повернулся к ней лицом и выпрямил спинку кресла. Цифры в углу обзора показывали 9:43. Они горели зеленью на тёмном фоне почти невидимой саванны. Ей показалось, что снаружи стало темнее.

– Ладно, доктор, – сказала она и поднялась с кресла. – Пойду.

В кабине вспыхнул неяркий свет. Сразу всё стало другим. Обыденным и очень милым. Торстен тоже повернулся на сиденье и смотрел на неё, моргая от света.

– Спокойной ночи, Кира, – сказал он немного сонно.

Доктор Уэрр встал.

– Я вас провожу, Кира, – сказал он. – Вы пока посидите, Торстен?

– Ага, – кивнул Торстен.

– Вы знаете, Кира, – чуть помолчав, сказал Уэрр, когда она пошла рядом по мягко освещённому и сводчатому как тоннель продольному коридору. – Мне кажется, мы попали в очень неприятное место. Я послал сигнал на Ильменну, но не уверен, что он дойдёт. Хгм... и у меня нет уверенности, что я поступил правильно.

Они дошли до половины длинного коридора. Кира шла, медленно шагая по чуть пружинистой светло-коричневой плитке. Её дверь была совсем рядом слева.

– Почему это? – не поняла она.

Они остановились у овальной двери каюты. Дверь была такая же кожаная, как и стенка. Кира повернулась к ней лицом и нажала ладонью на дверь, чтобы сдвинуть её в сторону. Дверь автоматически отъехала влево.

– Есть вещи, которые не положено знать рядовому, Кира, – сказал Уэрр мягким голосом. – Особенно барышне. А иногда и командиру. Пока они с ними не встретятся.

Такой голос мог заморозить и жену Сократа, а не только юную и непрактичную девушку. Кира посмотрела на него, чуть нагнув голову, и вошла в каюту.

– Садитесь, доктор, – сказала она, присев на кончик кровати.

Кровать была без спинки, как тахта. Это была двухместная каюта с запасными верхними полками, убирающимися в стенки. По стенкам на высоте лица тянулись кожаные ремни.

– Хорошо, – согласился Уэрр.

Он зашёл и сел на кончик второй кровати, напротив Киры.

– Нам угрожает серьёзная опасность, девочка, – сказал он. – Если я не ошибаюсь... А я чувствую, что не ошибаюсь. Так что будь начеку. – Я пойду к Торстену, – сказал он, поднимаясь.

Взяв её за руки, он пожал их и вышел, чуть сгорбившись. Эта дверь была для него низковата. Когда дверь задвинулась за его долговязой фигурой, Кира бросилась на кровать и горько расплакалась. Кровать покачивалась, как черноморская шаланда на слабой волне.

– Пока это только предчувствия, – сказал доктор Уэрр. – Но они основаны на фактах. – На одном бревне, – сказал Торстен.

– Иногда одна лишняя вещь на столе говорит обо всём.

– Н-да... – протянул Торстен.

За всё время практики он был в настоящей переделке всего один раз. Когда они спасались из нижних отсеков «Калинки» у Бетельгейзе, а их «птица» сгорела от метеорита на подлёте к луне Мирингиленны. Бревно, действительно... Но это могла быть и случайность. Может, жида вымерли от болезни?

Бывает же такое.

– Доктор, а у жидов врачи есть? – спросил он.

На политзанятиях эта тема охватывалась слабо. У них же ведь нет боевого флота. А наземная оборона – на самообеспечении. Но зато их и не сразу найдёшь. Правда, бывают рядом и посты Федерации. А вот уж в этом недостатка не было. Все уши прожужжали. И плакаты скандийца, со зверской мордой занёсшего кирзовый сапог над лицом упавшей на колено девушки с луком. «Вперёд, за Белльгару!»

В рубке было опять темно. Точнее, светили яркие звёзды и туманности. Так было привычнее смотреть в открытую ночь впереди.

– А кто их знает, – сказал Уэрр.

Торстен удивился.

– А разве... – сказал он.

– Я не специалист по жидам, Торстен, – немного устало сказал доктор. – Но полагаю, что и им не чуждо нечто человеческое. А вот об уровне не скажу. Думаю, что невысокий.

– Может, они вымерли? – сказал Торстен.

– Исключено. У них полная совместимость с расами неандертальского типа. Но это вопрос скорее богословский. Ты ещё не проходил. Поэтому они их и используют.

– А мы? – сказал Торстен.

– А мы не можем.

Уэрр посмотрел немного иронически на бледное от серебристого света лицо молодого солдата. Хотя он был тоже врачом. Но разница была скорее в цвете гимнастёрки.

Белом.

– Ты ещё долго будешь? – спросил он.

– Нет, – сказал Торстен.

– А я посижу. Потом меня сменишь, часа в три.

– Ладно, – сказал Торстен, не очень удивившись.

Где-то слышался совсем тихий вой.

Зайдя в каюту, Торстен умылся в ванной кабинке, посмотрел на свою физиономию и лёг спать. После ночного разговора с Крисом Уэрр поместил его в запасной каюте на общем этаже. Через минуту Уэрр разбудил его тонким зуммером с экрана. Торстен вскочил и сел на жёсткой кровати флотского образца. Он спал сверху одеяла, не раздеваясь.

– Пора, Торстен, – сказал Уэрр.

– Что? – спросил он, ещё не проснувшись, и вдруг увидел, что зелёные стрелки над дверью показывают три пятнадцать.

– Сейчас, – сказал он.

Овальный портрет доктора на экране исчез, и за окном были по-прежнему лишь тёмные безлесые холмы. Юноша заметил, что трактор движется немного вверх.

«Сейчас как ухнет», – подумал он просто так.

Трактор не мог ни провалиться, ни перевернуться. Когда он поднялся по узкому трапу на жилой этаж, трактор начал катиться вниз. Склон был довольно крутой.

– Заходи, заходи, – бодро проговорил доктор Уэрр, когда увидел не успевшего умыться и причесаться Торстена.

В рубке горел свет, и синие глаза доктора были такими же яркими, как вчера утром. Он был свежим и бодрым, как огурчик.

– Как спал? – спросил он.

– Не заметил, – сказал Торстен. – Я думал, вы сразу меня разбудили.

– Кхм... поздравляю, – сказал Уэрр, поглядев на него с весёлым интересом, и вдруг хлопнул его по плечу. – Принимайте дежурство, товарищ.

– Что нового? – спросил Торстен, расположившись в своём облюбованном кресле.

– Пока ничего, – сообщил доктор. – Кроме стада телеоцерасов. Вы слышали шум? – Впрочем, вряд ли, – добавил он.

– Это такие, вроде носорогов?

– Угу, – сказал Уэрр. – Ну я пойду.

– Спокойной ночи, – сказал Торстен.

Он убрал свет и развернулся лицом к экрану. В глубоком гнезде на пульте сиротливо стоял пустой бокал. Торстен подумал про Киру.

Кухню заливал яркий солнечный свет. Она была точно такая же, как на тракторе Криса, только отделана светлым деревом. На широких лакированных досках играло солнце.

– Очень остроумно, – сказала Кира, увидев стебелёк с белым соцветием в своём стакане и поставила обжигающий чайник на стол.

Доктор Уэрр предпочитал наливать кипяток из чайника, если уж не было самовара. Она вынула цветок из тонкого стакана в мельхиоровом подстаканнике и понюхала.

– Как медуница, – сказала она и села напротив них.

Было семь тридцать утра.

Подъём был в шесть тридцать, по солнцу. Кира пришла чуть раньше, чтоб приготовить овсянку с молоком. Тем более, что Уэрр освободил её от зарядки. Он почему-то считал, что зарядка нужна только мужчинам. И это тоже было одной из причин его прохладных отно-

шений с Карелиным. Стебелёк с цветком был из биоанализатора внизу. Торстен запрограммировал его ещё вчера после обеда.

На забор пробы.

– Ну-с, посмотрим, – сказал Уэрр, с удовольствием отхлёбывая горячий чай с коньяком.

Кира конечно не забыла вытащить его из буфета с резным как хрусталь окошком. Она перекрестилась и положила себе каши. У неё за спиной из широкого обзора слышался сплошной мягкий треск и хруст. Трактор качало, как на волнах, и приходилось рисковать, отпивая обжигающий чай. Все тарелки и стаканы были примагничены к столу и болтались вместе с ним. А также и плоская бутылка коньяка из зелёного матового стекла. Возле фарфоровой миски Торстена уже расплескалась лужица чая и с каждым наклоном подходила всё ближе к краю стола.

– Что ж ты? – покачала головой Кира и вытянула салфетку из зажима под столешником.

Внутри каждого предмета на кухне был магнит на случай сильной качки.

Трактор ехал по хвойному лесу высотой пятнадцать-семнадцать метров. Даже отсюда было видно мягкую, мясистую и длинную хвою, с шишечками как у кипарисовых. Торстен с интересом смотрел, как макушки деревьев впереди трясутся и качаются, словно от ветра. Лиственницы были корявые и разлапистые. Уэрр поднял обзор до верхнего уровня, так что они видели в основном подминаемые и уходящие вниз кроны и стволы с красноватой корой, а за ними серое облачное небо.

Скорость была совсем небольшая, километров пятнадцать в час. Почти сплошной массив леса тянулся на карте от безымянных снежных гор на севере прото-Монголии, обтекающая большое внутреннее море и далее до самого Северного океана. Трактор пересекал его в самом удобном месте.

Карта была в верхнем углу обзора справа. А в середине внизу появились и медленно пошли белые буквы отчёта анализатора.

– Надо меньше наливать, – сказала Кира, вытерев лужицу крепкого чая.

– Так-так, – промолвил доктор, с удовольствием вдыхая воздух хвойного леса.

У него вообще было хорошее настроение.

– Три недели назад, – сказал Торстен. – Ровер.

– Сейчас посмотрим, – сказал доктор, нажав на пару клавиш. – Да, ты прав... – проворчал он через несколько секунд.

– А размеры-то, – сказал Торстен.

– Ты забываешь о карликах, – заметил доктор.

– Ну, если специфики нет...

– Всякое бывает, – сказал доктор.

– Будем Крису передавать? – спросил Торстен.

– Нет, – качнул головой доктор.

Вездеход двигался, словно прокладывая перед собой дорогу во глубине зелёных волн, которые расступались с двух сторон. По веткам падающих деревьев иногда пробегали красные сумчатые белки и другая живность.

– Смотри, Кира, – воскликнул молодой парень, двинув её тарелку.

Девушка оглянулась. В поваленных ветках и стволах запутался гигантский бурый мегатериум с толстым мохнатым хвостом как у кенгуру и клыкастой медвежьей мордой. Обречённый зверь отчаянно изворачивался.

– Ешь лучше кашу, – сказала она.

– Ага, – сказал он и подложил себе масла в середину глубокой фарфоровой миски.

Молочная овсянка дымилась, и масло таяло довольно быстро, образуя желтоватое озерцо посреди белой каши. Торстен посмотрел на него и принялся есть.

* * *

В салоне был зелёный ковёр с салатовыми разводами.

– Не опаздывай, – оглянулся Крис на вошедшего Тима.

Зарядку делали под музыку, быструю и ритмичную.

– «Раз-два, три-четыре», – говорил убедительный голос.

Тиму казалось, что говорит доктор Уэрр. Но он его ещё совсем не знал. Он встал сбоку и сходу начал делать нагибания, по дороге кинув «привет» Ирине. Она стояла позади, в нежно-сиреневых рейтузах и футболке такого же цвета, но чуть потемнее. Без очков она казалась какой-то наивной со своими двумя веснушками. За ней, в тёмной глубине низкого паркетного подиума, чуть поблескивал серый изгиб экрана во всю стену, от колена до потолка.

Салон был длиной двенадцать метров, а шириной шесть, и они стояли далеко друг от друга.

– Приступим, приступим, – пообещала Ирина распрощавшемуся диктору, гибко поднявшись с пола после последнего упражнения на спине.

На тёмно-серой стенке в дальнем конце зала зелёные стрелки показывали шесть двадцать три. До неё расстился зелёный ковёр, как сказочная поляна в тускловатом свете утренних светильников. На нём так и хотелось порезвиться и поваляться. Молодая женщина вспомнила детство. Такое далёкое...

Ей стало жалко всего.

Компактные стулья с прямыми спинками стояли вдоль стен. Когда нужно, они укреплялись в тёмно-зелёных резиновых гнёздах, рассыпанных крапинами по ковру, и могли соединяться в длинные скамьи. Они были сделаны из обрезков толстой лаковой доски тёмного медового цвета.

«Не могли ничего лучше придумать», – подумал Крис.

– Крис, пойдی сюда, – позвала его Ирина.

На голом запястье девушки был тоже пультавый нарукавник.

– Чего тебе? – сказал он, подходя.

– Может, ты останешься, вместо Тима? – сказала она, понизив голос до полушёпота.

– А что? – спросил Крис почти нормальным голосом.

– Я пошёл, Крис, – сказал Тим.

– Ладно, – сказал Крис. – Я сейчас.

– Ты слышал, что Уэрр сказал? – Ирина серьёзно посмотрела на него зелёными глазами без очков. – Боевая обстановка.

Она говорила тихо, хотя Тим уже вышел.

– Ну ладно, – нехотя сказал Крис. – Я подумую.

Хотя думать тут было особенно нечего.

– Ага, – согласилась она, разглядывая его.

Как молодая учительница, поймавшая с поличным пионера в лесу во время мёртвого часа. Она вообще обладала способностью вгонять человека в смущение.

«Чего это она?» – не понял он.

– Ну ладно, я пошла, – сказала она и повернулась, чтобы уйти.

– Ага, – сказал ей в спину Крис.

– С лёгким паром, – сказала Ирина, округлив глаза за большими и лёгкими стёклами очков. Она уже сидела за столом, аккуратно расставив все тарелки, фаянсовые кружки и прочее. В середине ещё дымились на сковородке яичница с зелёным луком и грудинкой. Сковорода была размером с сиденье табуретки.

– А тефтели где? – спросил Тим, усаживаясь на своё старое место.

– Тефтели на обед, – сказала Ирина.

– Тебе ещё мало? – удивился Крис.

– Я так просто, – сказал Тим. – Вкусные были.

– Ничего, у нас тут всё вкусно, – сказала Ирина. – А ты не очень-то увлекайся, а то толстый будешь.

Крису опять вспомнился пионерский лагерь.

– Не буду, – сказал Тим, уже жуя.

А речка была полна ещё утреннего тумана. Кто-то перевёл обзор намного левее. Солнце всходило сзади. Между ним и далёкими лесами был уже синий проём неба толщиной с руку.

Начинался новый неведомый день.

– Хотите, сон расскажу? – спросила Ирина.

– Хороший? – поинтересовался Тим.

Он был в той же одежде, что и вчера.

– В каком смысле? – спросила Ирина.

– Ну, в этом... в прямом, – сказал он.

– Не особенно, – сказала Ирина. – Ни в прямом, ни в косвенном.

– Переносном? – уточнил Крис с набитым ртом.

Яичница была состряпана со знанием дела. Ирина, очевидно, собиралась кормить их на убой. Она мельком взглянула на него, не удостоив ответа.

– Про вас с Крисом, – сказала она, – Что вы влипли в какую-то глину и застряли.

– Правда? – спросил Крис, повернув голову, чтобы убедиться.

Она сделала то же, и он увидел рядом грустное и белое лицо с чуть надутыми губами. Лицо было в тени от восходящего солнца.

– Правда, – сказала она коротко. – И не могли вытащить ноги. А я как дура плакала о вас.

Её тарелка была ещё пуста.

– Ха, – весело осклабился Тим.

Жизнь была прекрасна. И яичница с грудинкой тоже. Он съел уже половину своей порции. А она была довольно приличная.

– И сейчас ещё жалко, – сказала она.

– Ладно, Ир, – сказал Крис. – Ерунда это всё.

– А если сбудется? – спросила она жалобно.

– В буквальном смысле, что ли? – грубо сказал он.

– Я всё равно здесь буду... – вздохнул Тим, старательно намазывая себе хлеб с маслом и вареньем.

Дно сковороды на две трети блестело ровным светло-серым чугуном. Крис тоже заканчивал свою порцию. Тарелка Ирины так и осталась пуста. Она уже некоторое время смотрела на Тима с Крисом, кусая чёрный хлеб с маслом.

– Нет, – сказал Крис. – Я тебя с Ириной пошлю.

– А ты? – остановился Тим, не донеся до рта свою кружку с чаем.

Ему хотелось поехать, но без Криса было как-то не то.

– А он здесь подежурит, Тим, – отказала Ирина.

Крис виновато пожал плечами. Он должен был сидеть в тракторе. Как ценной боевой единице. Это была теперь его прямая обязанность.

«Торстену хорошо», – подумал он.

Хотя они сейчас и едут без остановки... Но лучше ехать, чем сидеть на месте. Торстен не был старшим в своей группе.

– Ты долго вчера работала? – спросил Крис у Ирины.

Он хотел сказать «сидела», но почему-то передумал.

Она была в той же одежде, что и на зарядке. На этот раз на кухне было тепло и уютно. Не то, что снаружи. А туман на реке расплзался клочьями. Смотреть на него было холодно, но ясное голубое небо предвещало жаркий денёк. Над тихим утренним полем низко пролетела серая птичка.

По каким-то своим делам.

Тень от вездехода сократилась и не доходила до кустов там, где поле снова полого спускалось к лесу. Издалека на кустах еле виднелись красные ягоды.

«Градусов 25», – подумал Крис про наступающий день.

А сейчас за окном было всего 12 градусов.

– До полдвенадцатого, – ответила Ирина.

Она пила вместо чая холодный морс и смотрела в широченное окно. Оно было почти во всю стену, за Тимом и двумя столиками. В нём было утреннее небо, поле и лес вдаль. И наполовину чистая от тумана сизая река.

– А чего ты там по ночам пишешь? – спросил Тим.

– Характеристики на вас, – сказала она, не оглядываясь.

– Партийные, что ль? – хохотнул он.

Крис представил себе, как Тим сидит на скамеечке где-нибудь в тихом зелёном дворе в своём Егорьевске, с такими же полу-деревенскими ребятами. Он говорил, что у них там шестьдесят тысяч. Совсем маленький городок...

Вроде Лланмайра.

Вообще, парень совсем новичок. Ещё больше, чем Кира. Кира с ними уже год ездит... всякого навиделась. Он незаметно для себя чуть пожал плечами.

– А почему бы и нет? – сказала Ирина, проведя взглядом по Тиму на фоне лесов и полей.

Его лицо было слегка в тени. Освещение было яркое, но как в пещере. Обзор создавал полную иллюзию широкого окна.

«Похоже на пикник», – подумал Крис.

– Нас и так возьмут, – отшутился Тим.

– Возьмут... – подтвердил Крис, взглянув на него малость иронически.

– Вот захочешь жениться, а тебе не дадут рекомендацию, – сказала она, оторвавшись от окна и уставившись на Тима.

– Мне ещё рано, – сказал он, широко и простодушно улыбаясь. – Это тебе можно.

– Хочешь на мне жениться? – спросила она, с любопытством расширив глаза.

Как учительница математики у Криса в пятом классе. Вот на неё-то она и была похожа. Только вопросы были немного другие.

– Не-е, – ответил Тим, неуверенно улыбаясь.

– Треугольник не утвердит, – вставил Крис, чтоб его пододрить.

– То-то, – сказала молодая научная сотрудница. – Не дорос ещё.

– А я и не говорю... – сказал Тим.

Солнце уже разогнало туман и блестело на мелкой ряби реки. На слегка поднимающемся берегу колыхались от ветра среди травы высокие кисточки тёмно-сиреневых цветов типа львиного зева. Тёмная птица вроде коршуна бесстрашно хлопала крыльями совсем близко от них. Она придвинулась и как будто провела когтями по стеклу, снова отлетев в сторону. ЭВМ подавала на экран реальную картину.

Практически.

Вчера они ходили по этой траве... Ирина далее нарвала себе букет. Он был на столике в лаборатории. А другая половина, наверно, в каюте.

– Ладно, ребят, – сказал Крис. – Хватит вам. – ... А правда, чем ты вчера занималась, Ир?

– Вчера вечером?.. – сказала она, слегка вытянув губы в задумчивости. – Тектоникой. Порядок швов в Атлантике отклоняется в сторону Англии и Исланда. Вы понимаете, что это значит?

Она ожидающе посмотрела на Криса. Он знал, что Англия здесь пока ещё полуостров, а Исланда вообще нет. Мало того, Западный материк был разделён морем.

– Нам не положено, – буркнул он, взглянув исподлобья на Тима.

– Ага, – подтвердил Тим.

У Ирины еле заметно приподнялся краешек губ.

– Вам бы только из пушек палить, – сказала она, констатируя факт.

– А у тебя задание, Ир? – спросил Крис.

Он допил остаток своего крепкого чая с лимоном и с некоторым сожалением заглянул в кружку. На его кружке был какой-то золотой вензель. Он привёз её из отпуска.

– Конечно, Крис, – мягко сказала она, увидев, что по его лицу пробежала лёгкая тень.

Она положила руку ему на запястье и чуть потеряла его.

«А вот это ни к чему», – подумал Крис.

Впрочем, она это знала лучше него.

Практика Флота. Тем более – в тайной Наблюдательной службе. Девять процентов списанных и полтора – изгнанных из каждого набора...

Крис про это, конечно, не знал.

Просто она пожалела Криса, который тосковал по друзьям. Один, кажется, погиб... Уэрт их знал лучше, уже около года. Во всяком случае, Криса. Она решила порасспросить об этом у Криса подробнее вечером.

Сегодня.

– Большое? – спросил Крис, всё ещё чувствуя её прикосновение.

«Флюиды», – подумал он.

Вообще-то он не очень от них страдал. Тут только что-то нашло. Ещё со вчерашнего дня... когда он рассмотрел Ирину поближе.

«Воздух здесь вредный», – сказал он про себя, как говорила его мама в самых неожиданных случаях жизни.

– Большое, большое, – собезьянничала Ирина. – Мы ведь не то, что вы, бездельники.

– Механики или солдаты? – спросил Тим.

– Оба, – сказала она.

– Я пойду «каплю» проверю, – сказал Крис, вставая.

«Опять я налопался, – подумал он. – Эта Ирина нас закормит».

Не то что Кира.

Правда, с Кирой ему не приходилось оставаться на тракторе. Возможности здесь были больше. Но она просто не могла сделать такого завтрака. И в таких количествах. Она до сих пор наивно удивлялась, видя, что мужчина голодный после чая с двумя печеньями.

– Я тоже, – сказала Ирина. – Тимофей, уберись, пожалуйста.

Она так и не съела ни кусочка яичницы. На её месте на столе были крошки от чёрного хлеба и пустая кружка из-под морса.

«Я механик, а они проверяют», – подумал Тим, угрюмо кивнув головой.

Над летней поляной перед трактором летали бабочки. Реки уже не было видно. Обзор был на высоте одного метра. То есть сидящего на траве человека. Трава доходила до половины колена.

– Любишь кататься, люби и саночки возить, друг мой, – проговорила Ирина, увидев его постную физиономию и скосив глаза на закрывшуюся дверь.

Как будто ему было лень убираться. Тим начал молча собирать тарелки и кружки. Вездеход стоял недвижимо, как дом. Он был размером со старинный четырёхэтажный дом городского типа. Например, на улице Молотова в центре Егорьевска.

Когда она вышла, Крис был уже в середине коридора. Он шёл на корму, где были верхний и нижний гаражи. Услышав мягкий щелчок, он оглянулся и остановился. Ирина догнала его, и они пошли вместе.

– Ну, чего ж ты не даёшь инструкции? – спросила она, встав спиной к мягкой стенке в лифте.

– Тим один остался, – выразительно сказал Крис, посмотрев на неё.

Порядок подчинения пультов был Крис-Ирина-Тим. Сейчас трактор был под командой Тима. Потому что они оба были в лифте. Без нормального обзора.

– Ну и что? – возразила Ирина. – Стрельнёт куда надо, не бойся.

Крис уже во второй раз за два дня удивился её искренней легкомысленности в военных вопросах. Точнее, убеждённой. Он не нашёлся, что сказать. Лифт ухнул вниз и сразу начал тормозить. Во время торможения Ирина придержалась рукой за поручень на высоте талии. Такой же кожаный, как серая стенка.

– На сколько ехать-то? – подсказала она ему, видя, что он молчит.

– До сумерек, – удивился он.

Ему это было ясно как день.

– А куда?

– По течению, – буркнул он.

Как будто на экзамене. Дверь лифта давно открылась, но Ирина всё так же стояла, прислонившись спиной к серой стенке.

– Я вижу, из тебя инструкции надо клещами вытягивать, – промолвила она певучим голосом и вышла первой.

В полутёмном коридоре горела только нескончаемая матовая полоска аварийного света под чуть вогнутым потолком. Крис доставал до него рукой, а Ирина – нет.

«Опять она свет погасила», – подумал Крис.

Из раздвинутой рядом двери лился матовый дневной свет.

Серебристая длинная «капля» слегка сияла под матовым светом. Колпак был прозрачный как, воздух. Только сзади была видна загнутая царапина на прозрачной броне. Она была длиной с руку, от шаровой молнии на полюсе Аквабески. Крис уже знал эту машину, хотя и не ездил на данном тракторе.

Отец Евлампий сказал тогда, что ребята дёшево отделались.

Длинный как «капля» гараж был весь в продольных чуть выпуклых полосах гладкой стеклорезины сиреневого цвета. В промежутках между сиреневыми полосами блестел матово-белый металлический пол. Гараж был чист, как комната. Только на полу в середине резиновые полосы были почти стёрты.

Посмотрев внутрь машины, Крис проверил зелёный огонёк контроля и оглянулся на Ирину. Она стояла, прислонясь к блестящему корпусу и обнимая рукой прозрачную крышу. Вездеход был пониже её поднятой руки. Ниже пояса он был серебристого цвета.

– А может, ночью поехать? – сказала она.

– Не... не стоит, – хмуро сказал Крис.

– Ты думаешь, Тим не подведёт?

– Да у него реакция 0,15, – сказал Крис.

– У тебя только стрельба на уме, – констатировала научная сотрудница.

– Не-ет, – слегка удивился Крис.

Она наклонила голову, смотря на него.

– А ты сколько раз была на задании? – спросил он, помолчав.

– Два раза, в этом году, – сказала Ирина, заморгав. – Только не на «капле».

Она чуть наморщила нос с тремя веснушками.

– Два раза... – сказал Крис.

Они посмотрели друг на друга.

– Слушай, – сказал Крис, – съездите часа на два-три, а потом обратно, ладно?

– Два-три в одну сторону? – переспросила она.

– В обе, – ответил Крис.

«Не посылать их, что ли», – подумал он. – «Свалились на мою голову.»

Ещё ни разу за свою долгую жизнь он не был в таком положении. Новичок механик и почти не бывавшая в походах практикантка.

Посылать или не посылать?

– Ты же сказал, «и обратно», – сказала Ирина с сомнением.

Она стояла, не меняя позы. Длинный утопленный экран под потолком осветился. На нём появилась кухня и Тим, убравший со стола.

– Крис, чего делать-то? – сказал он.

Он сидел за тем же столом.

– Одевайся, – сказал Крис.

– А кто дежурить будет?

– Я в машине посижу, – сказал Крис.

– Ладно, – обрадовался Тим и исчез с экрана.

На довольно узком экране под потолком появились зелёный лес, поле и река. По небу ветер гнал белые как барашки облака.

– Ну что, пойдёшь собираться? – спросил Крис у стоящей Ирины.

Он нажал пару кнопок у себя на запястье, и прозрачный люк мягко поднялся вверх. Ирина не двинулась с места. Она чувствовала, что он не привык командовать.

Да и не любил.

– Если ЧП, выходить на связь или нет? – спросила она.

– Сразу сообщай, – сказал Крис, готовый залезть в машину. – Всю боевую информацию.

Ступенька была за Ириной.

– Ладно, – сказала она, наконец отойдя от вездехода. – Ну я пошла.

– Ага, – кивнул Крис и поставил ногу на гусеницу.

– Ну, с Богом, – сказал Крис и длинная машина, мягко взвизгнув гусеницами, прыгнула на свободу зелёного поля с облетевшими одуванчиками.

Полосатый гараж сразу показался Крису пустым, и ворота без паузы начали быстро задвигаться. Они задвигались сверху. Только Тим успел оглянуться и махнуть рукой. Он был за рулём. Крис посмотрел на экран наверху и пошёл в рубку. Он уже нарушил боевой устав. Провожать надо было оттуда.

«И Ирина ничего не сказала...» – подивился он по дороге.

Ему сразу стало как-то скучно. В рубке он налил себе в стенном холодильнике узкий стакан клубничного сока, уселся, задрал ноги на пульт, и начал обозревать окрестности, переводя обзор вверх по течению реки.

В глаза ударило утреннее солнце.

У самого поворота реки вдалеке он заметил сверкнувшее на солнце стекло колпака, чуть выступающее из пахнущей осокой речной воды.

Машина плыла, не касаясь дна. Сзади клубились тучи от поднятого ила, но впереди и по бокам было довольно сносно видно, метра на полтора. В стекло уткнулась большая рыбина явно из осетровых, и медленно поплыла вбок, в зелёную тьму.

– Плыви, плыви, – сказала Ирина.

Она сидела сбоку от Тима, слегка откинувшись возле прозрачной стенки. Между ними был проход и одно пустое сиденье. Взад было тоже два места справа и одно слева, а за ними – полупустое пространство багажного отделения. Они взяли с собой в основном брикеты горючего в ящиках и установку особой связи. Ну и четыре ящика боеприпасов, по настоянию Тима. Оружие этой «капли» было импульсное и торпедное.

Рядом с Ириной торчал второй штурвал. Он ей не нравился, и поэтому она села к стенке. Ниже колен стенка была обтянута бежевым ковром. Пол был освещен нижним светом. Головы разведчиков были сейчас в тени. Одна с короткой стрижкой, а другая – с хвостом позади.

– И для чего этот свет здесь, – пожала плечами Ирина, насмотревшись на свои сапоги.

– Чтоб лучше видно было, – рассудительно сказал Тим, держась за пока ненужный штурвал.

В своей голубой форме Ирина почему-то казалась тоньше, чем обычно. Она качнулась на сиденье и положила одну ногу на маленький столик перед собой. Боевой полусапог соединялся со штаниной толстой молнией, пока расстегнутой. На них была полевая форма № 3, которая была на полтора килограмма легче, чем полевая форма № 2. С вентиляцией и обогревом, но без охлаждения.

Ирина оглянулась назад, о чём-то вспомнив. Пол багажного отделения был на ступеньку ниже, чем впереди. Ящики с горючим слева доходили почти до спинки заднего сиденья. За ними виднелась дверца у самого пола, а над ней невидимый округлый колпак открывал полосу заднего обзора с непрозрачной зеленоватой водой. В ней играли мягкие солнечные блики.

Дверца тоже вела вниз, в сидячую душевую кабинку. Она была на ступеньку ниже багажного отделения. Сбоку от неё за той же стенкой находилась торпедная установка и второй двигатель. Основной двигатель, бустеры и всё остальное было впереди и под передним полом.

– А ты разрядник взял? – спросила Ирина.

– Ага, – сказал Тим.

Кабина вездехода была освещена таинственным переливающимся зеленоватым светом. Река стала глубже, и вездехода не было видно.

Примерно через час Ирина сказала Тиму:

– Ну хватит, выезжай.

Река здесь была мельче. Кабина была уже некоторое время залита солнечным светом с иногда налетающей тенью от облаков.

– Так быстро? – удивился Тим.

– Слыхал, что Крис сказал? – посмотрела на него Ирина.

Вездеход, зарокотав чуть сильнее, легко проехал по дну и травянистому берегу, накрываясь и остановившись на пологом прибрежном пригорке. С широких приземистых гусениц стекала вода. Ирину слегка прижало к прозрачной стенке с полукругим контуром прозрачного дверного люка наверху. Тим оказался заметно выше неё, как и нос стоявшей наискосок по склону машины.

У этой машины было четыре люка.

– Ну чего ты остановился? – сказала Ирина. – Встань ровно.

Машина, послушно зарокотав, отъехала чуть дальше от берега и снова остановилась. На этот раз встав почти ровно. Пейзаж был почти такой же. У самой реки над водой склонилось большое старое дерево с чуть серебристыми листьями. На том берегу у поворота желтел песчаный обрыв. Он был на расстоянии брошенного камня... если бросать как следует. Машина стояла в ложинке в невысокой траве, которая поднималась вверх на округлую вершину пригорка, чуть выше развесистого дерева с серебристыми листьями, толстой буг-

ристой корой и большим дуплом в середине ствола. Слева трава поднималась более полого. Вдалеке за обрывом на той стороне синели леса.

Трава была немного истоптана, но не копытами.

– Ну вылезай, – сказала Ирина, застёгивая сапог на поднятой ноге.

– А оружие? – спросил Тим.

– Бери, бери, – сказала она с почти незаметной иронией. – Возьми лазер.

– А ты?

Ему больше хотелось взять свольвер, с разрывными пулями первого калибра. Как в эпизоде с птеродактилями в «Давным-давно».

– А я разрядник, – сказала она, застегнув второй сапог.

Тим открыл люк и легко выпрыгнул наружу. Люк тут же автоматически закрылся. Ирина, порывшись, достала в багажном отделении довольно тяжёлый разрядник и тоже вышла, из заднего люка. Оба были в лёгких легионерских шлемах, обтянутых голубой материей и с прозрачными щитками впереди. Ирина с интересом осмотрелась, обратив внимание на помятую траву.

Лицо обвеивал летний ветерок.

– Слушай, Тим, – сказала она, не опуская поднятый щиток. – Вообще-то один должен сидеть в машине.

– А сразу чего не сказала? – спросил он. – Ну говори, что делать.

– А ты не хочешь сам посидеть? – просительно сказала она. – Ты ведь лучше умеешь.

– Ну ладно, – сказал он, немного помолчав.

Передний люк со стороны водителя снова плавно поднялся и Тим забрался внутрь. Усевшись, он закрыл прозрачный люк.

– Следи хорошенько, – сказала Ирина, обернувшись к нему лицом, и повернулась к берегу.

Тим махнул ей в своём прозрачном пузыре и нажал на штурвале кнопку включения двигателя. Он слышал всё как снаружи, а Иринин голос – с расстояния видимости, в пределах пяти километров. По колебаниям металлопластинок на форме и короткой антенны на шлеме, похожем на каску. Рации работали в слепом режиме, подключаясь только по сигналу голосом.

Машина не спеша развернулась на одной гусенице и как жук поползла за Ириной, которая пошла к берегу с разрядником в опущенной руке, задевая стабилизатором травинки.

Возле самой воды она провела взглядом по берегу, начиная от дальнего поворота реки и рассматривая его, как следователь сцену любопытного преступления. Тим видел сбоку нос и очки слегка веснушчатой научной сотрудницы, под поднятым прозрачным забралом.

За небольшой камышовой заводью река уходила вправо, и на том берегу далеко-далеко на зелёном пространстве перед синееющим лесом виднелось грязно-белое стадо малоразличимых животных.

«Козы, что ли», – подумалось Тиму.

Мимо него стрелой промчался зверь ростом чуть ли не с телёнка. Он успел разглядеть только клочковатую серую шерсть и капающие изо рта слюни.

– Ира! – крикнул он, не замечая, что жмёт кнопку огня на штурвале.

Ирина обернулась и в последний момент отскочила от уже прыгнувшего зверя. Тот тяжело шлёпнулся в тихий омут под деревом и словно нехотя ушёл под воду с небольшим бурлением на поверхности. Вода окрасилась в красный цвет. Научная сотрудница с отвращением смотрела на кровавую воду, упруго упёршись ногами в берег и крепче сжав тяжёлый разрядник.

У неё чуть дрожали губы.

Широкая волчья морда с большими клыками и розовым пяточком. И красные как у чёрта глаза. Зверь был ей прекрасно знаком, только не в такой обстановке. Она даже не услышала выстрелов, раздавшихся после прыжка.

Первого и контрольного.

Она инстинктивно оглянулась и увидела Тима под колпаком. За вездеходом никого не было. Слегка побледневший Тим посмотрел на только что крутнувшийся съёмный свольвер на крыше и стал решительно вылезать из плавно поднявшегося люка.

– Я и отсюда могу управлять, – громко сказал он, спрыгнув с боевым лазером и подходя к Ирине у берега.

– Чего ты лезешь, – сказала Ирина, благодарно взглянув на него.

Как учительница, которую выручил догадливый ученик. Машина слегка дёрнулась и остановилась. Ирина пошла ему навстречу, со всё ещё поднятым прозрачным забралом. Ей нравился нежно обдувающий лицо ветерок с запахом летних полей. Местность была уж очень похожа на тамбовские поля и леса. Конечно, здесь гораздо больше пихты и вообще хвой...

Она была с южной окраины Тамбова, под названием Посад. Реставраторы уверяли, что город и область были в основном в состоянии XIX века прошлой эры.

– Что делать-то будем? – спросил Тим, которому казалось, что Ирина недостаточно энергична.

– Охраняй, раз уж вылез, – сказала она, одарив его обаятельной белозубой улыбкой. – Вообще-то, надо было по берегу ехать.

– А чего ж ты? – спросил он.

– Крис сказал, – коротко ответила она. – Поехали в лес.

– Зачем? – спросил Тим у направившейся к серебристой машине младшей научной сотрудницы.

– Много будешь знать, скоро состаришься, – сказала она, наступая на широкую гусеницу.

Задние люки открывались вверх, а не вниз. Тим что-то проворчал и пошёл к переднему люку. До машины было совсем близко.

– По расчётам, это самое вероятное место происхождения бревна, Тим, – сказала Ирина, когда машина тронулась и поехала, покачиваясь и быстро набирая ход по мягкой луговой земле.

– А кто его сделал? – спросил Тим, на этот раз слегка руля штурвалом и широко объезжая невидимые пологие неровности луга.

Они сразу выехали на обширное поле, густо усыпанное мелкими синими цветочками вроде гречихи. В полукилометре от них оно подкатывалось к широкой дуге тёмно-зелёного бора, а левее за острым концом этого бора бесконечное поле простиралось в необозримые дали, плавно уходящие то вниз, то вверх своими округлыми складками, и кончалось синей ниточкой леса.

– Не знаю... – немного растерянно сказала Ирина. – Наверно, питекантропы.

– Здесь же нет жидов, – недоумённо заметил Тим.

– Ну и что? – сказала Ирина. – Отстань... ехай лучше.

На правом краю поля оказывается паслось небольшое стадо мускусных быков с длинной красновато-коричневой шерстью. Из-под машины юркнуло какое-то мелкое животное с рогом.

«Река», – подумала Ирина про две широкие складки луговых пространств вдали.

Но машина, покачиваясь, ехала по полю с метёлками полыни, и эти складки у невидимой реки вдали уходили за край тёмно-зелёного бора. Уже видны были разлапистые ветви

древнего северного кипариса и кое-где между ними более высокие кроны широколиственных осин. Одну из них спокойно обдирал на краю леса громадный бурый мишка.

– Браконьер, – сказала Ирина.

– Конец августа, а столько цветов, – сказал вслух Тим.

Он уже подъезжал к лесу.

– А ты думаешь, здесь климат как в России? – спросила Ирина с подвохом.

– А что? – сказал Тим.

– Эх ты, тюря, – сказала она.

Она уже снова сидела справа от него, у прозрачного борта, положив разрядник рядом на свободное сиденье. Сиденья были широкие и слегка вдавленные по форме, с холщовыми чехлами.

Дремучий лес был полон бурелома и цепких зарослей шиповника с тёмно-малиновыми ягодами. Машина пробиралась по нему как большой жук, иногда протискиваясь сквозь заросли под поваленными и застрявшими деревьями, а иногда долго объезжая их. Здесь было полутемно, но совсем не сыро. Почва была покрыта мягкой пожелтевшей хвоей и пучками тоненькой стреловидной травы.

Ирину немилосердно качало, несмотря на мягкие рессоры сидений. Она держалась рукой за подлокотник, слегка откинувшись назад и уперев ноги в панель перед собой, чтоб не елозить по сиденью. Сапоги были теперь застёгнуты. Тим нагнулся вперёд, протянув руку к фляжке в гнезде возле ноги и вытащив, потряс её.

Она была пустая.

– Дай попить, Ир, – попросил он девушку.

Всё это было очень похоже на экзамен. Но Ирина знала, что это не экзамен. И вспомнила, что не проверила машину на оснащённость.

– Сейчас, – сказала она и нагнулась за своей фляжкой, в гнезде у правой ноги.

Просто на всякий случай.

– Вот балда, – пробормотала она, покачив головой и слегка покраснев.

Как хозяйка, забывшая посолить тесто в пирожках.

Да-а... она забыла проверить машину. Понадеялась на Криса. Впрочем, она знала, что он проверил всё, кроме фляжек и бутербродов. Потому что их тоже не было.

– Ой! – вскрикнула она, пробираясь обратно по проходу.

Сбоку от вездехода по земле прошмыгнула противная толстая чёрная змея на лапках и скрылась в густых зелёных папоротниках.

– Чего там? – спросил Тим, протянув руку назад.

– Змей, – сказала Ирина. – *Euprepodia murinus*.

Она села на своё место, подав ему одноразовую бутылку из цветной фольги, покрытую испариной от холода. Перед Тимом поднялся на задние лапы громадный тёмно-бурый медведь с тупой мордой. Такой же, как на краю леса. Машина не успела остановиться. Оглушительно взревев, медведь обрушился на Тима всей своей мохнатой коричневой тушей. Тим физически почувствовал, как упругий колпак едва заметно прогнулся под чудовищной тяжестью удара.

– Агриотериум, – прошептала Ирина, расширив глаза и слегка подпрыгнув на сиденье от толчка.

Тим, сообразив, что стрелять теперь поздно, мягко рванул машину вперёд, заодно нажав и на гашетку. На штурвале загорелся красный огонёк, а машина, подмяв под себя половину зверя, забуксовала и опасно накренилась. Рёв достиг невыносимой мощи и вдруг отдалился, став тихим, как жужжание мухи. Вездеход подпрыгивал, словно шлюпка на зыби. Ирина держалась за штурвал, искоса поглядывая на Тима.

Ей было смешно и страшно.

Это было всё равно, что наехать на сорокаведерную бочку. Машину повело в сторону на заднем ходу, упёрло в дерево взади, она ещё больше накренилась на правый борт, так, что Тим чуть не съехал на Ирину, – и уже начав опрокидываться, подняла правый борт с негромким свистом включившихся бустеров, выровнялась, проплыла между деревьями на высоте человеческого роста и опустилась на мягкую хвою, спружинив в самом конце, как будто на воздушной подушке.

Стало тихо.

– Машина-то умнее, – сказала Ирина.

Ей всё ещё было смешно.

Она увидела в зеркале заднего обзора разъярённую морду в голубоватой лесной тени. Раненый зверь с немного ободранной и обгорелой шкурой уже настигал их. На экранчике перед ней загорелся жёлтый огонёк.

– Тарань, – быстро сказала Ирина, крепче вжавшись в сиденье.

Она всё ещё держалась за штурвал, справа через проход от Тима. Красный огонёк на штурвале не отключался. Свольвер на крыше был слегка свёрнут набок.

Мягко и коротко разогнавшись, лёгкий вездеход сшибся с тёмно-бурой машиной, тут же отъехав обратно и остановившись, словно отскачившее ядро. Удар был впечатляющим.

Хоть и не в полную силу.

Обтекаемая «капля» не очень годилась для тарана. Приглушённый рёв не прекращался, но на этот раз тёмная коричневая туша осталась ворочаться на земле. У зверя были явно перебиты передние лапы.

– Поехали, – облегчённо заключила Ирина.

Тим послушно тронулся с места.

Они снова ехали, лавируя в голубоватой дымке между деревьями. Сверху в землю упирались пучки рассеянного солнечного света.

– Чего ж ты? – сказала Ирина, отпустив второй штурвал и снова отодвинувшись к прозрачному борту.

Тим насупившись молчал.

– Я думала, ты по нему торпедой вдарить, – призналась она.

– Не дурее тебя, – мрачно сказал он.

– Ладно, не обижайся, – сказала она, поглядев на него сбоку.

Тим слегка откинулся на сиденье.

– Ты можешь его починить? – спросила она, кивнув вверх на свольвер.

– Могу, – сказал он.

– Давай остановимся, – сказала она.

– Где?

– Где-нибудь на полянке.

Они уже видели одну раньше.

– А когда обратно? – сказал Тим, вспомнив, что они обещали Крису.

– А чинить долго? – спросила она.

– Полчаса, – сказал Тим, поглядев вверх сквозь крышу.

– Тогда езжай обратно, – сказала практикантка. – Только через ту же полянку.

– Ладно, – кивнул Тим.

– А говорили, что у тебя реакция 0,15, – сказала она через минуту-две, отвернувшись от непроходимо дремучего леса.

– Кто?

– Догадайся, – сказала Ирина.

– Ты ж мне ничего не сказала, – попрекнул Тим.

Он имел в виду медведей.

– «Не сказала», – передразнила она. – Сам должен соображать... если б не я, ты бы оглох от рёва.

Она нажала двумя пальцами на запястье, чтоб вернуть старый звуковой режим. Надо было слушать лес. Тим молча съехал в сухое каменистое русло. Под гусеницами защёлкали камни. Местность шла с небольшим уклоном.

«Реакция...» – подумал он с обидой на себя.

Но дело было не в этом. Просто он замечтался. Просто он не успел ещё научиться мечтать и вести вездеход одновременно.

– Ты куда это едешь? – спросила Ирина.

Это русло они не проезжали. И уклона не было... Она хоть и не особенно запоминала дорогу, но кое-что осталось в памяти.

– Параллельным путём, – буркнул Тим, махнув куда-то вбок. – Не бойся, не заблужусь.

– А полянка? – спросила Ирина.

– На кой тебе эта полянка? – сказал Тим. – Чинить что ли хочешь?

– Там ягоды, Тим, – сказала она серьёзно. – А обезьяны их любят.

– Вон видишь, – показала Ирина на густые кусты, за которыми просвечивало яркое солнце поляны. – *Rubus Simili...* ой постой, – растерянно сказала она. – Они там, – прошептала она, как будто снаружи могли услышать.

Она и сама этого не ожидала.

– Стой скорей!.. – прошипела она, полуобернувшись к Тиму, и схватив с сиденья разрядник, высунулась в медленно раскрывающийся люк.

Люк раскрылся до половины и остановился. Ирина целилась из разрядника, встав сапогами на мягкое холщовое сиденье. Тим только теперь увидел что-то рыжеватое за густыми мелколиственными кустами высотой примерно в человеческий рост.

Мешало солнце.

Он вдруг увидел почти целиком морду насторожившегося питекантропа. На кусте чернели ягоды. До обезьяны было всего метров пятнадцать. Прямо как в кино.

На поляне возникло движение.

Со стабилизатора разрядника слетела короткая искра. Ирина спрыгнула, повалившись на сиденье и закрыв люк рукой.

– Жми! – крикнула она.

В кустах больше никого не было. Машина рванулась вперёд и с треском проломившись сквозь заросли, резко остановилась. В траве перед её серебристым носом валялся оглушённый питекантроп с рыжеватой шерстью.

– Предок геррянина, – пробурчал Тим себе под нос.

Ирина вспомнила, что так дразнились, когда она была маленькой. В третьем классе. На Герре это было довольно расхожее мнение.

– Чуть не задавил, олух, – неблагодарно сказала она и выскочила из люка, не дожидаясь, когда он откинется до конца.

Тим открыл свой люк и поднял с пола в проходе лазер модели Б-6. Рыжеватый питекантроп действительно валялся в траве перед самой машиной.

– Ну вылезай же, – сказала Ирина, оглянувшись на Тима.

Она стояла около тела в густой зелёной траве. Высунувшийся из люка Тим стал вылезать со своим внушительным оружием. Питекантроп пошевелился. Он лежал носом вниз на слегка перебираемой ветром траве с высокими стеблями белых пушистых одуванчиков.

– Ну скорей, – поторопила Ирина.

Она неуверенно подняла разрядник в опущенной руке. Второй удар мог его повредить. Питекантроп дрыгнул ногой и вдруг живо вскочил на четвереньки. Ирина сделала то же, что сделала бы любая женщина.

Отскочила на полтора метра назад.

Подошедший Тим не долго думая опрокинул обезьяну ударом сапога в живот и встал над ней с прикладом наготове. Питекантроп согнулся на траве и только разевал пасть, задирая звериную губу и как будто скаля зубы. Он был довольно хорошей породы, типа неандертальца. Тёмные глазки неприятно блестели. Тим огляделся и положил лазер на землю.

– Чего ты пинаешься, – упрекнула Ирина и подала Тиму эластопетлю. – Свяжи ему руки.

Ветер чуть шевелил волосы девушки сзади. Она не успела одеть свою каску. Та осталась валяться в проходе между сиденьями.

– Осторожно! – вскрикнула она. – Он же кусается.

Тим еле успел отдернуть руку от морды обезьяны. Она вывернулась и вскочила на ноги. Раздался звучный удар, и неандерталец полетел в траву. Тим нагнувшись вытер кулак о штаны. Неандерталец лежал навзничь в двух шагах от него.

– Ты что, убить его хочешь? – вскипела Ирина.

– А чего он? – хмуро сказал Тим, нагибаясь над ним.

В следующую секунду Тим с обезьяной покатались по траве. Обезьяна старалась ободрать ему пальцами шкуру, а он душил её, отпихивая от себя её пасть. Но у Тима было преимущество. Эту форму не так-то легко было разодрать. Тим слегка придушил врага, уткнул его мордой в траву и завернул за спину мохнатые руки.

– Он же вшивый... – проговорила Ирина, смотря на него и качая головой.

– А теперь что? – спросил Тим, распрямляясь.

«Тебе бы так», – подумал он.

Неандерталец очнулся и заголосил. У Ирины в руках был лазер, а защитный разрядник валялся рядом на траве.

– Давай мой лазер, – сказал Тим.

– Я сама подержу, – сказала Ирина. – Теперь подними его и держи сзади за петлю. Только разрядник возьми. Здесь тебе не питомник.

Тим исполнил указание.

Покрытый рыжеватой шерстью неандерталец с низким заросшим лбом стоял на полусогнутых ногах и продолжал довольно громко голосить.

– Тресни его по затылку, – сказала Ирина. – Только тихонечко, – спохватилась она.

Тим легонько стукнул обезьяну по макушке стабилизатором разрядника. Но питекантроп грязно-рыжего цвета продолжал визгливо голосить.

– Что он говорит? – прислушалась Ирина.

– Откуда я знаю, – буркнул Тим. – Советует, как его пристрелить.

– Послушай, – сказала она, направляя свой лазер на питекантропа.

Тим недоверчиво покосился на повидавшую жизнь практикантку. Она стояла шагах в пяти от неандертальца в прозрачных выпуклых очках, чуть расставив ноги, как на утренней зарядке, и смотрела не только на обезьяну и Тима, но и на края поляны за ними. Очки были огромны, как глаза стрекозы. Невысокая трава скрывала только до половины чёрные полусапоги. По штанине из голубой джинсовой материи полз большой красно-чёрный шмель.

Несмотря на боевой устав, она тоже была без перчаток, как и Тим.

Питекантроп, увидев блеснувшее дуло лазера, вдруг утих. Испустив последнее «хархар», он слегка обвис, сделав попытку упасть вперёд.

– Он уже видел людей, – сказала Ирина, задумчиво глядя на затихшую обезьяну с оголённой кожей неопределённо-грязного цвета на морде, ладонях и животе.

Это был самец ростом примерно с Тима, а может быть и чуть выше, если бы он не сгибал ноги в коленях. Остальное стадо давно смылось.

– Скажи ему что-нибудь по-германски, – сказала Ирина.

– По-какому? – уточнил Тим.
– По-верхнегермански, – сказала она мелодичным голосом.
– Ви меня понимайт? – послушно сказал Тим по-скандийски.
Обезьяна подняла голову.
– Ну, спроси что-нибудь.
– А ты почему?.. – спросил он.
– Ты что, не знаешь, что у них женщин не берут? – сказала Ирина, состроив ему смешную рожицу с надутыми щеками, как в детском саду. Настоящих, – добавила она.
– Говорийт ко мне, – послушно сказал Тим обезьяне на том же наречии.
Он не был отличником в языках.
Да и вообще тоже... кроме своего предмета и физподготовки. У механиков были свои курсы... Питекантроп нелепо вывернул к нему голову.
– Хархар, –дохнула та совсем по-звериному.
– Всё ясно, – сказала Ирина. – Поехали отсюда скорей.
– А чего? – сказал Тим.
«Вот телок», – подумала Ирина.
И вспомнила свою школу в Тамбове.
– Пошли, пошли, – сказала она, поворачиваясь к словно прижавшейся к земле машине. Та стояла позади, чуть наклонившись вперёд на бугорке.
– А с ним что делать? – спросил Тим, с занятой рукой.
Он смутно надеялся, что она не потащит его с собой. И подозревал, почему она стояла в пяти шагах. Это был его первый выход на иную планету.
– Ликвидировать, – сказала Ирина, оглянувшись уже у машины.
Два люка с двух сторон были уже откинuty.
– Быстрее, Тим.
Тим толкнул страшноватое двуногое существо, пустил в него полный разряд и побежал к машине. Ирина стояла возле люка, прикрывая его.

* * *

Они ехали по лесу уже больше суток. Но местность стала меняться. Лес шёл то вверх, то вниз, и среди деревьев попадались торчащие из земли огромные острые камни, а крутые подъёмы иногда кончались обрывами, с которых трактор уже пару раз осторожно спустился на бустерах, взревев, как целое стадо слонов. Хотя внутри рёв был не очень слышный.

Когда они ехали вниз по крутому склону и пол наклонялся так, что почти нельзя было ходить, взору открывались острые складки холмов, поросших всё тем же хвойным лесом. Только здесь он был выше и с преобладанием кедровых пород. Гор поблизости не было.

Вчера они весь день почти не встречались, кроме завтрака, обеда и ужина. Доктор Уэрр спал и сидел в лаборатории, Торстен спал и дежурил, а Кира занималась своими делами, и после ужина сразу пошла спать. Впрочем, перед сном она два часа читала «Ратаралло», с подзаголовком: «Повесть о космических путешественниках».

В этом импрессионистском произведении главное было настроение, а не фабула. Как еле уловимый аромат тонких духов, от которого теряешь связь с реальностью.

С земной реальностью.

А повествовалось в нём о двух расах космических путешественников: голубоглазой, сухощавой и стройной – на длинных как иглы звездолётах серебристого цвета, расширяющихся в самом конце, и кареглазой, приземистой и плотной – на чёрных звездолётах с овальным концом впереди, как короткий колпачок от пипеточной авторучки. Жизнь первых была

скорее увлекательна, чем уютна, а жизнь вторых – хозяйственна, основательна и солидна. И ещё они воевали между собой.

Когда Кира погасила свет, доктор Уэрр как раз заступил на своё дежурство.

– Сейчас будет река, Кира, – сказал доктор Уэрр, посмотрев на пультовый экран.

Было утро. Торстен спал после завтрака у себя в каюте на жилом этаже. Завтракали все вместе, как и положено по уставу.

– Какая? – спросила Кира, невинно раскрыв глаза.

Она сидела перед пультом справа от Уэрра, в средней рубке. Он не успел ответить. На огромном обзоре вдруг возникло синее небо во всю стену, трактор покачнулся, чуть клюнул носом в пустоту, и включив бустеры, поплыл, явно оторвавшись от земли. Секунды четыре было видно только небо. Кира почувствовала себя, как на воздушном шаре. И ещё как на качелях, перед тем, как они ухнут вниз. Но трактор не собирался ухать.

Звук бустеров был не громче нормального голоса.

Наконец показались верхушки серых скал с кривыми деревьями в трещинах, потом их основания, и в следующее мгновение в экран ударила зелёная волна, растёкшись по нему, как по стеклу. Трактор потащило немного вбок, но он повернулся к берегу и поплыл, оставив над водой только метра три. На экране была бурливая река непрозрачного светло-зелёного цвета и узкий каменистый берег метрах в стах, покрытый щебнем и галькой. Над берегом вздымались отвесные скалы.

– Пороги, – озабоченно проговорил Уэрр. – Вот видите, Кира.

Ему не нравилась эта гористая местность. Ведь трактор не самолёт. Он мог летать... но только девяносто часов до ремонта на базе.

Да и рискованно...

– Странный цвет... – сказала она, смотря на бурунчики и непрозрачную воду салатого цвета.

И вспомнив, какая там глубина.

– А вы никогда не бывали в Альпах, Кира? – спросил Уэрр. – Или вообще в горах?

– Н-нет, – сказала она, подумав, что поездки на поезде можно не считать.

– Где-то выше меловые отложения. Обычно это бывает в горах. Я имею в виду, подобные реки... такого ненормального цвета.

– А почему она зелёная? – сказала Кира.

– Так далеко мои познания не заходят, – сказал с улыбкой Уэрр.

Ей показалось, что он похож на доктора Айболита.

«Как прекрасна юность», – подумал он.

– А вот скажите мне, барышня, откуда она вытекает? – спросил он на правах ментора и начальника.

– Из Байкала, – сказала она, что пришло в голову.

Она видела большое синее море на глобусе на месте Байкала. И выходящие из него голубые ниточки рек. Одна из них шла на юг.

– И течёт до самого океана, – продолжил Уэрр задушевым голосом, как будто рассказывает сказку. – Река Хуангхо, или Синий туман, в своём древнем варианте. Так её называли крестоносцы. В широко раскрытых глазах девушки неуловимо отразилось удивление.

– Нет, не наши друзья из Федерации, – сказал он тем же сказочным голосом. – А крестоносцы королевы Мелисенты, двенадцать веков назад... на Земле.

Кира хотела что-то сказать, но трактор совсем далеко от берега коснулся дна, и оба не замедлили это почувствовать. Кресла ощутимо покачнулись.

«Вот и поплавали», – подумала Кира.

Доктор Уэрр тоже замолчал. Их начало неумолимо поднимать. На обзоре появилось синее небо и кончики скал с лесом.

– Глупая машина, – пробормотал он, что-то нажав на штурвале.

На дне были большие камни. Машина, как гигантский чёрный кашалот, подняла тупой нос и шлёпнулась в воду, смягчив удар бустерами. Кира чуть не клюнула носом в пульт. По реке пошли крутые зелёные волны. По обзору растекались крупные брызги.

Берег приблизился.

«Как на качелях», – подумала Кира.

Перед самым берегом их опять начало поднимать, но на этот раз обзор показывал ту же гальку с камнями и подножие скал, только сверху. Кира схватилась за края сиденья, но в конце приземлились ещё мягче, чем прежде на воду. Да и камень был теперь не такой большой. Снова стал слышен звук ветра и волн.

Машина остановилась.

На штурвале и на пульте замигали сразу два красных огонька. Один из них и мигал, и пищал. Тот, который на пульте. Уэрр, ничего не говоря, придвинулся к пульту и посмотрел на складной экран, отведя вбок руку со штурвалом. Его длинные ноги упирались коленками в серую панель. На экране уже разворачивалась схема трактора с двумя малюсенькими красными звёздочками на одной из средних гусениц.

– Ох, – вздохнула Кира.

Её штурвал был задвинут в панель.

Огонёк на пульте перед водителем всё пищал. Не обращая на него внимания, Уэрр откинулся назад, нажав на штурвале зелёную кнопку кругового обзора. Перед Кирой поехала вбок панорама отвесных скал, матово-зелёной реки меж громадными будто набросанными в неё замшелыми камнями, с гладкими салатowymi буграми быстрого потока над глыбами под водой и безмолвным синим небом в вышине, переходя на круто поднимающиеся к скалам тёмно-зелёные корявые сосны на том берегу, опять гладкую реку с белыми бурунчиками вокруг подводных камней, и снова серые скалы, уходящие ввысь.

Обзор разделился во всю длину на верхнюю и нижнюю половину, но Уэрр положил свои длинные сухощавые пальцы с рыжими волосками на светло-зелёную клавиатуру слева и обзор слился, охватив всю окружность с двумя берегами, смотря вверх по течению с середины реки.

Вездеход стоял на берегу у самой воды, а до острых серых скал было ещё шагов тридцать. Он стоял наискосок на влажной гальке.

– Что теперь делать, доктор? – спросила Кира.

Она и сидела здесь, чтобы проходить практику.

Сверхтяжёлый вездеход «Аэциус» шёл на соединение в боевой обстановке. А в двух звеньях седьмой гусеницы изнашивалась твёрдая смазка.

Чинить, – сказал он в некоторой растерянности. – Но вы понимаете, Кира, – добавил он, посмотрев на неё немного простодушными синими глазами, – тут нужны двое...

Она послушно кивнула, мимолётно представив себя больной. Но она никогда не болела. Она обругала себя за это дурой.

– М-да... – сказал он задумчиво.

За свою долгую жизнь он не раз бывал в таком положении. Посылать или идти самому? По уставу или по обстоятельствам?

– Надо разбудить Торстена, девочка, – сказал он. – Ты будешь его прикрывать.

– Хорошо, доктор, – обескуражено сказала она, легко вставая с низкого сиденья. – Собираться?

– Да, Кира, – сказал Уэрр. – Я скажу Торстену.

– Ладно, доктор, – сказала она и повернулась к двери, взглянув ещё раз для надёжности на температуру за бортом.

Там было 18й.

– Форма № 3, – сказал Уэрр, заметив её взгляд. – И возьми, пожалуйста, Б-4, – добавил он, повернувшись в кресле, чтобы проводить её глазами.

Он так и не встал со своего места. Хотя и думал, что это свинство. Но... он не имел на это права. И не только по уставу. На его ответственности были все...

Оба трактора.

– До свидания, доктор, – сказала Кира, уходя и посмотрев на него с совершенно детским выражением.

Вода лизала гальку и исполинские чёрные траки. Сзади гусеница была по колено в меловой зелёной воде. Кира посмотрела вверх, чуть наморщив лоб под защитным шлемом.

– Борода, – покачала она головой.

С чёрной гусеницы над ней свисали мокрые плети водорослей.

Вода накатывала на берег мелкими салатowymi волнами. Торстен нагнулся и попробовал её рукой. Он был без перчаток.

– Холодная, – сказал он.

Даже в руке вода была зеленоватой и полупрозрачной. Вездеход возвышался на берегу, как одна из тех огромных глыб, что торчали в середине реки. Но совершенно гладкая и чёрная. Кира ждала Торстена шагах в двадцати, у начала задней гусеницы.

У неё в руке был средний лазер Б-4.

– Не отвлекайся, Торстен, – сказал Уэрр по звуковому каналу.

– Слушаюсь, ментор, – сказал Торстен.

Он окинул взглядом реку и каменистый берег и пошёл к Кире, положив свольвер на плечо. Вокруг было пусто... не было даже птиц.

– Ну что, начнём? – сказал он, подойдя и посмотрев в пронзительно синие глаза под поднятым прозрачным щитком.

Где-то там, за миллиарды миллиардов километров отсюда, в системе Понти, у него была почти такая же сестра, Уэлла. Она служила в сторожевом легионе «Астромедина», на заставе у Венды.

В соседней ветке Галактики.

Рёбра траков были вдавлены в гальку. Совсем близко была скальная порода. В зазоры между толстыми как буханка чёрного хлеба рёбрами гусениц могла свободно проскочить крыса.

«Если повезёт», – подумал Торстен с неясным сожалением.

– Не выпендривайся, – сказала Кира.

– Ха, – сказал Торстен, как пират в «Острове сокровищ».

Доктор Уэрр сидел, развалившись в кресле у пульта, и размышлял о том, что через месяц ему стукнет сорок пять. Он думал, чего ему не хватает, чтобы стать Наставником. Он положил длинные ноги на пульт, полужёжа в чашеобразном кресле. У этой планеты был сдвиг по фазе на четыре месяца с небольшим. Его день рождения был двадцать пятого января. То есть, через месяц. «Сдвиг по фазе», – подумал он.

Не хватало многого.

Он не чувствовал себя ровесником Карелина или Карра. И в глубине души думал о женитьбе. Правда, больше по привычке.

«Сама не знаю», – вспомнил он чуть удивлённое лицо с двумя веснушками.

Ему почему-то стало досадно.

– Как дела, Торстен? – спросил он.

За экраном слышалось какое-то пыхтение. А прямо на пульт текла холодная салатовая река, загибаясь за скалы горного ущелья.

Метров на двести дальше него.

– Всё в порядке, док, – ответил невидимый Торстен, отдуваясь. – Вторую спицу делаю. Здесь какая-то дрянь набилась.

– Какая? – спросил рассеянно Уэрр.

– Водоросли, – ответил голос, пыхтя.

– А ты что там делаешь? – полюбопытствовал Уэрр, прислушавшись.

– Устанавливаю компрессор, – пробубнил недовольно запыхавшийся голос Торстена.

– А-а... ну-ну, – сказал Уэрр после небольшой паузы.

Его мысли вернулись немного назад. Он скептически взглянул на сжатую как в линзе картину реки и серых скал. В левом углу слегка вогнутого экрана сияло солнце на фоне синих небес. Уэрр пробежал тремя пальцами по пульту, задержав указательный на крайней клавише. Солнце исчезло, как будто его слизнули, и на обзоре оказался уходящий вдаль берег с рекой и небом. Обзор был переведён на боевое слежение.

«Вот так», – без слов подумал Уэрр.

У него было такое чувство, будто он что-то забыл. Вездеход как будто приподняло и опустило. На экране всё было по-прежнему.

– Торстен, обратно! – крикнул Уэрр, сжав штурвал.

По экрану бежали красные буквы и цифры.

Торстену показалось, что уже установленный компрессор подпрыгнул, как живой. Он оглянулся на стоящую на колене Киру. «Торстен, обратно!» – крикнул Уэрр ему в ухо.

Кира почувствовала лёгкий толчок и через секунду поняла, что это такое. Они это проходили не только по практической геологии.

Но и на практике.

– Беги, я сейчас! – крикнул Торстен, разъединя тяжёлый компрессор.

Она была уже на ногах, ожидая нового толчка.

– Пошли, он сам поедет, – потащила она Торстена за белый рукав.

Земля под ногами заходила ходуном.

– Сейчас... – проговорил Торстен сквозь зубы.

– Ты что, ненормальный? – изо всех сил дёрнула его Кира, стукнув по белому шлему лазером в свободной руке.

«Торстен, брось инструмент!» – раздался у неё в ушах какой-то холодный голос Уэрра.

Он должен был нажать на пуск через шесть секунд.

Зажим компрессора наконец отцепился от паза. Торстен разогнулся и схватив валявшийся свольвер, рванул к люку, взяв за руку Киру. Она бегала быстро, но он чуть не свалил её, добежав до люка за три секунды. Так ей показалось. По дороге он что-то крикнул Уэрру.

Они прижались друг к другу, став на маленький «пятачок», и Кира увидела, как массивный компрессор поехал обратно к идущему в глубину машины колодцу, раскачиваясь на гибком кабеле. Его освещали маленькие выпуклые лампы вдоль низкого коридора между гусеницами.

Но их не было видно.

– Оборот несчастный, – сказала Кира, глядя почти впритык на чумазое лицо парня.

Они были ещё в трубе лифта.

Трактор чуть вздрогнул, и послышался приглушённый удар. Позади Торстена вбок отъехала дверца, открыв родной коридор нижнего этажа.

– Ну, чего застрял? – сказала Кира. – Выходи.

У него похолодело внутри. Приближался толчок в семь баллов. Мигающая красная цифра на экране указывала шестьдесят пять процентов риска серьёзных повреждений от обвала в ближайшие двадцать секунд. Сиденье снова слегка качнуло. Надо было уходить.

По закону долга.

– Торстен, брось инструмент! У вас двадцать секунд! – крикнул он незнакомым голосом.

Из салатовой реки выпорхнула стая серебристых летучих рыб и зашлёпалась обратно в воду. По реке шли бугристые волны.

Послышалась возня и плеск воды.

– Бежим, доктор! – раздался голос Торстена.

Уэрр набрал обратную связь с подъёмником и поднял голову. Весь экран кроме середины был вокруг испещрён красной информатикой. В ухо нащёптывал незнакомый женский голос. Уровень воды под днищем – от пяти до двадцати девяти сантиметров. В левом нижнем углу замигал белый сигнал и, помигав, остался гореть.

– Все целы? – спросил Уэрр с интонацией прерванного сказителя.

Они были в лифте.

– Ага, док, – ответил голос Торстена. – Выходим.

– Срочно в запасную рубку, оба. Перевожу на автоматику.

– Есть, док.

Уэрр качнулся и потянул себя за ус. Он и не заметил, когда пристегнулся. В рубке почему-то пахло спелыми персиками.

Торстен с ходу плюхнулся в капитанское кресло. Оно закачалось, как карета на рессорах. Кира прошмыгнула на сиденье справа. Он опять оказался быстрее.

– Готово, док, – сообщил парень в белой гимнастёрке.

Кира скептически посмотрела на него.

– Измазался весь, – сказала она.

Они были уже пристёгнуты.

Вездеход повело в сторону и наклонило под углом в тридцать градусов. Он оторвался от земли. У них в обзоре верхушки скал качнулись вниз, открывая салатовую полосу реки меж отвесными скалистыми стенами.

– Знаю, Торстен, – ответил откуда-то мягкий баритон.

Из рубки наверху.

А прямо перед ними, чуть ниже, по реке шёл матовый вал светло-зелёной воды. Это было потрясающе. Вездеход вздрогнул, чуть упав вниз, и снова пошёл вверх и назад. На секунду на просторном как небо обзоре осталась одна небесная синь.

– У-ух, – невольно выдохнула девушка со снятым шлемом в руке.

Ей показалось, что он сейчас перевернётся. Торстен весело смотрел вперёд. Он любил приключения... хоть и опасные.

Особенно опасные.

– Семь баллов, – сообщил он. – Ещё толчок идёт.

Откуда-то смутно послышались тупые удары, как камешки по песку. Взбесившийся поток бросал в вездеход град тяжёлых глыб.

– Сделай звук, Торстен, – сказала Кира.

Она шевелила губами, читая красные надписи на экране. Их стало гораздо меньше. В середине ушла в сторону светло-зелёная река и дальний берег с тёмными карликовыми соснами.

И скалами.

На обзоре осталась одна небесная синь, сразу сменившись картиной ущелья с бурлящим салатовым потоком далеко внизу. Торстен набирал комбинацию на пульте.

Вездеход поворачивал.

– Готовность к бою, ребята, – сказал голос Уэрра.

Торстен недоумённо посмотрел на Киру. Она ответила ему взглядом наивных синих глаз. Торстен понял... он вспомнил про геонаводку.

– Есть, док, – сказал он.

Кири́н шлем качался пристёгнутый к подлокотнику. На экране вместо неба разворачивался приближаясь хвойный лес. Вездеход неровно шёл на снижение, слегка опустив корму. Мягкий ковровый пол бледно-вишнёвого цвета в нижней запасной рубке шёл вниз к двери позади них. Громадный кедр с чешуйчатой красноватой корой закрыл ветвями обзор, и под чётко различимый хруст, сминая вековые деревья, трактор осел на землю, немного накрёнаясь вперёд и вбок.

– Приехали, – сказала Кира.

Но красные надписи не погасли.

ЭВМ не могла определить вероятность нового толчка, метаясь между нолём и половиной, на полукруглом зелёном графике внизу окна. Торстен пожалел, что нет времени на разработку. Трактор дёрнулся и поехал. Склон шёл вниз, но экран перед Ки́рой то поднимался, то падал. Снова началась медленная качка, и на экране снова появились словно мохнатые тёмно-зелёные хвойные дебри на высоте двенадцати метров от земли. Они уходили вниз, частично открывая небо и заменяясь такими же мохматыми дебрями. Вездеход с лёгкостью ломал деревья в три-четыре обхвата, качаясь словно на ухабах.

– Идите сюда, – проговорил мягкий голос Уэрра.

Кира начала отстёгиваться, посмотрев вправо на серую стенку с кожаной дверцей лифта. До неё было метра два. Она взяла свой оцарапанный шлем и встала на качающийся как в бурю бледно-вишнёвый ковёр пола.

– Пошли, – сказал Торстен, ухватившись за спинку её кресла, чтобы не упасть.

– Садитесь, Кира, – пригласил доктор Уэрр, увидев показавшуюся из лифта девушку.

Вездеход полз вверх по дремучему вековому лесу.

Она отпустила края дверного проёма и перебралась в ближайшее кресло. Торстену пришлось добираться дальше. Кира с интересом смотрела, как он, балансируя и ни за что не хватаясь, идёт по вздымающемуся как палуба полу. Доктор проводил его взглядом и отвернулся к экрану. Дверца лифта мягко защёлкнулась. Этот лифт был такой же, как и наружный, – освещенная труба с подъёмником. Только «пяточок» не с алой резиной, а с зелёной.

Кира привесила на спинку свой шлем, а Торстен первым делом уставился на красные цифры внизу экрана. Машина наконец определилась, установив вероятность толчка в двенадцать процентов на следующие два часа.

– Какая точность, – съязвил Торстен.

– Записать ему поощрение или порицание? – задумчиво сказал доктор, глядя на обзор.

– Почему? – притворно спросил Торстен.

– Вот и я так думаю, – сказал доктор, скосив глаза на Ки́ру.

– Ничего ему не надо, – сказала она. – Лучше оставьте его без ужина.

– Вы же первая, барышня, понесёте ему тайную передачу, – грустно покачал головой доктор. – Но я подумаю.

– Я и так худой, – сказал Торстен, слегка порозовев. – Не то что некоторые.

– Ты на кого это намекаешь? – возмутилась Кира.

Позавчера она показывала Торстену свой фотоальбом, в котором был её дядя, сорокалетний здоровяк в форме Имперской стражи.

– На свою бабушку, – огрызнулся Торстен.

– Ты не прав, мой друг, – сказал доктор Уэрр. – Это невежливо.

Он ожидающе замолчал.

– Извини, – буркнул Торстен.

– Обещай, что больше не будешь, – сказала Кира.

– Чего? – спросил парень.

Доктор Уэрр подтвердил вопрос, заинтересованно оглянувшись.

– Ну... не слушаться старших, – сказала она, не поняв вопроса.

– Обещаю, – невольно улыбнулся Торстен. – И тебя тоже, поняла?

– Угу, – кивнула Кира.

– А в этом что-то есть, – сказал доктор Уэрр, посмотрев на них по очереди с довольной улыбкой. – Хотя и стилистика хромает. – Будем считать, что вопрос исчерпан, – добавил он.

Трактор ехал, чуть накренившись на левый бок. Торстен опустил взлохмаченную голову, сосредоточенно рассматривая свою руку. Свой шлем он бросил в нижней рубке.

– Доктор, у меня синяк, – сказал он.

– Ты свободен, – сказал Уэрр.

Он изучал сиреневую информатику повреждений. Обшивка была цела, хотя кое-что и пострадало внутри под вмятинами от глыб. Особенно большая лучевая пушка на корме.

– Ты что, спятил? – сказала Кира, добравшись до Торстена и вцепившись в его кресло. – Идём в лазарет.

Ладонь между большим и указательным пальцами наливалась густой синевой.

– Давай лучше лёд положим, – сказал он.

– Пошли, – потянула его Кира за измазанный рукав.

– Торстен, – оглянувшись, чуть покачал головой Уэрр.

– Слушаюсь, – пробурчал Торстен.

– Не забудьте про аврал, – сказал Уэрр, ещё раз обернувшись.

Дверца лифта защёлкнулась за ними. Снова явственно запахло персиками. На спинке Кирино кресла болтался её шлем.

– Мистика, – пробормотал доктор Уэрр, слегка откинувшись назад и поборов искушение задрать ноги на пульт.

Он всё ещё изучал список повреждений, держась за штурвал правой рукой, с большим пальцем на вогнутой жёлтой клавише. Большую пушку можно было исправить. Но только остановившись часа на четыре и послав Торстена с Кирой на крышу. А трактор был в боевой обстановке второй степени.

Учитывая сегодняшнее...

Он посмотрел в левую сторону экрана, где мелькал отчёт о землетрясении. ЭВМ пока допускала искусственное происхождение с такой же лёгкостью, как и естественное. Вездеход снова двигался вверх по заросшему могучими тёмно-зелёными кедрами склону. Уэрр взгляделся в потемневший экран и вдохнул полной грудью живительный лесной воздух. За окном собиралась гроза.

Наклон пола дошёл до 40°.

«Камень, что ли», – подумал Уэрр.

Машина подрезала стволы, чтоб не становиться на дыбы. Вообще-то они не представляли трудности для девяти миллионов лошадиных сил, но иногда ей просто не хватало собственного веса, особенно на подъёмах. На экране был значок СВЧ, а на штурвале горел маленький оранжевый огонёк.

Уэрр хотел спросить «как дела», но решил не беспокоить лишний раз молодёжь.

«Пускай сами», – подумал он.

– Это хуже, чем ты думаешь, – сказала Кира, повернув поудобней его ладонь.

За время своей не очень долгой службы она прекрасно усвоила одну вещь: любой солдат боится остаться калекой, а не смерти.

– Ты думаешь? – с тревогой произнёс Торстен.

– А теперь ложись в постель, – сказала Кира, быстро сделав три укола и обмотав руку специальным пластырем.

– Ты чего? – упавшим голосом сказал Торстен, ещё не сознавая до конца сказанного, но уже с нехорошим чувством внутри.

Проснулись смутные ассоциации с деловито жужжащими пчёлами за низкими окнами и воблой под подушкой. Настроение было испорчено.

Как будто его отправили спать в новогоднюю ночь.

– Отстань, – сказал он.

– Доктор, Торстен не хочет ложиться, – сказала Кира, нажав на кнопку у себя на запястье.

– ... Зачем? – не сразу отозвался доктор Уэрр.

– Ну... ему надо лежать в лазарете, – объяснила Кира.

– Это необходимо? – спросил доктор Уэрр.

В его голосе было лёгкое удивление.

– Я же здоров, – вставил Торстен, чувствуя искреннюю обиду.

Как в далёком детстве, когда его обманули, подсунув пустой фантик вместо конфеты. После ёлки в МИДе, где работал его папа.

– Замечание, Торстен, – сказал доктор Уэрр.

– Ему нельзя шевелить рукой, – сказала Кира. – А мы с вами и так справимся, – добавила, она, показав Торстену язык. – Без него.

– Ну, потерпите, товарищ, – сказал Уэрр тоном искреннего сожаления. – Только будьте начеку. Считайте себя на дежурстве. И слушайте своего доктора.

Воцарилось молчание. Кира укоризненно глядела на Торстена. Он молчал, уставившись сквозь серую кожаную стенку кабинета.

– «Доктор», – фыркнул он, встретившись с девушкой взглядом.

Как две стрелы из одного колчана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.